

ХУЛИАН КАРРОН

СИЯНИЕ В ГЛАЗАХ

ЧТО ВЫРЫВАЕТ НАС
ИЗ НЕБЫТИЯ?

ХУЛИАН КАРРОН

СИЯНИЕ В ГЛАЗАХ

ЧТО ВЫРЫВАЕТ НАС
ИЗ НЕБЫТИЯ?

Перевод А. Шиловой

© 2020 Fraternità di Comunione e Liberazione

ВВЕДЕНИЕ

«Что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?»¹ Какой силой обладают эти слова псалма сегодня, когда нам по причине вируса, загнавшего в угол весь мир, стало еще яснее, насколько мы ничтожны, хрупки и бессильны! Действительно, когда страх сжимал, словно тисками, или когда на первый план выходило отсутствие смысла, многие заметили в себе желание, чтобы кто-то проявил к ним настоящую заботу и вырвал из небытия, грозно нависшего над ними!

Что вырывает нас из небытия? Этот вопрос должен был стать темой ежегодных духовных упражнений «Общения и освобождения», самого важного момента в жизни нашего Братства. И хотя в силу чрезвычайной санитарной ситуации нам пришлось отказаться от них (они были запланированы на апрель, когда мы переживали самый пик карантина), вопрос никуда не делся и, кроме того, именно в свете недавних событий приобрел еще больший, особенный вес. Мы отправили его заранее всем тем, кто собирался участвовать, чтобы помочь нам быть внимательнее к собственному опыту и обдумать наш личный вклад в содержание упражнений. Он пробудил огромную благодарность, поскольку был воспринят в его неотрывной связи с жизненным опытом. В нем также увидели

¹ Пс. 8:5.

дружеский жест, проливающий свет и на смысл слова «дружба»: мы друзья, чтобы помогать друг другу не бояться вопросов, даже тех, которые нас обязывают и тревожат, ранят и сотрясают. Мы не были бы друзьями, если бы так или иначе оставляли вопросы в стороне.

Если мы говорим о небытии, так потому, что существование современного человека – наше существование на личном и общественном уровне – все более ясным и масштабным образом, без особой шумихи и лозунгов, но притом и не без видимых последствий, отмечено нигилизмом. Речь не о каком-то культурном течении, а об экзистенциальной ситуации. И именно эту ситуацию мы хотим рассмотреть хотя бы в основных чертах: не из любви к анализу или описаниям, а из пламенного желания открыть для себя путь, позволяющий каждому из нас идти к собственному свершению через данные нам обстоятельства, какими бы они ни были.

Текст разделен на шесть глав, цель которых – обрисовать путь, основанный на определенном опыте и истории, и тем самым внести вклад в поиск и ожидание всех людей.

НИГИЛИЗМ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ

Что характерно для нигилизма, который более или менее явно, при большей или меньшей нашей сознательности просочился в наш образ мыслей и жизни?

1. Сомнение в конечном содержании реальности и в положительности жизни

С одной стороны, нигилизм, о котором идет речь, выражается в сомнении относительно конечного содержания реальности: все вырождается в ничто, в том числе и мы. «От головокружительного чувства эфемерной видимости вещей возникает – как слабость и лживое отрицание – искушение думать, будто вещи есть иллюзия и ничто»².

С другой (но оба аспекта связаны), существует сомнение относительно положительности жизни, возможного смысла и пользы нашего существования, что обычно выливается в ощущение пустоты, угрожающей всему, что мы делаем, и вызывающей

² L. Giussani. *L'uomo e il suo destino*. Genova: Marietti 1820, 1999. P. 13.

острое отчаяние, в том числе и в людях, чья жизнь переполнена делами и успехами, чей график забит встречами и проектами на будущее.

Известный фильм «Бесконечная история», снятый в восьмидесятые годы, намекает на эту ситуацию убедительным и наводящим на размышления образом. Я имею в виду диалог между Гморком, «служителем Власти, скрывающейся за Ничто», и Атрейю, юным героем, призванным остановить Ничто. «Люди отказались надеяться, они разучились мечтать. Так распространилось Ничто», – говорит первый. «Что такое это Ничто?!» – спросил его второй. «Пустота, окружающая нас. Отчаяние, разрушающее мир, а я ему помогаю... Ведь людьми, которые ни во что не верят, легче управлять. Это самый верный способ заполнить власть»³.

Волнующие метафоры отчасти описывают позицию, которую сегодня мы обозначаем словом «нигилизм». Все мы можем признать «распространяющееся по жизни ничто», «разрушительное отчаяние», «пустоту», которая окружает нас и превращается в общественное явление.

Пожалуй, тот факт, что из-за коронавируса мы вынуждены были остановиться, заставил нас, как уже давно не случалось, размышлять над тем, кто мы и чем живем, как осознаём самих себя и вещи. Толстой говорит: «Людям нашего... [времени] стоит только на минуту остановиться в своей деятельности, обдумать свое положение, примерить требование своего разума и своего сердца к окружающим

³ *Бесконечная история* (*Die unendliche Geschichte*. RFT, 1984). Автор сценария и режиссер Вольфганг Петерсен.

их условиям жизни, чтобы увидеть, что вся жизнь их, все поступки их есть постоянное вопиющее противоречие с их совестью, разумом и сердцем»⁴.

Вот что поняла о себе одна старшеклассница, когда остановилась и задумалась: «В первую неделю карантина я, как, наверное, многие другие, пережила моменты тяжелого уныния. Идея сидеть взаперти дома, не видеть друзей, не встречаться с моим парнем, не иметь возможности свободно выходить на улицу, нагоняла на меня ужас. Потом, однако, я созвонилась с некоторыми людьми, и они здорово ободрили меня. Особенно один друг, который, услышав от меня: „Я в порядке, но не слишком“, – решил копнуть глубже. Разговаривая с ним, я вдруг осознала, что уже давно не задавала себе вопросы, пускала все на самотек, отчасти из страха, отчасти из нежелания получить неудобные ответы. Мне стало ясно, как глупо не задавать вопросы, если в результате я не счастлива. Так я стала спрашивать себя, что меня по-настоящему пугает, и поняла: больше всего меня тревожит молчание, поскольку оно заставляет думать, ставит лицом к лицу с моими вопросами. А первая причина, по которой я боюсь задаваться вопросами, – страх, что у меня нет ответов. Поэтому-то я, как могу, избегаю молчания, настигающего меня, когда я ложусь спать. Чтобы оно не раздавило меня, я занимаю голову всевозможными мыслями, и так мне не приходится иметь дело с самой собой, пока не засну. Меня беспокоят возможные ответы на определенные вопросы, я бо-

⁴ Л. Н. Толстой. *Неделание* // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 29. М.: Художественная литература, 1954. С. 198.

юсь, что они заставят меня считаться с теми уголками во мне, которые я не желаю знать, или направят на трудный путь. Как сказал мой друг, я предпочитаю жить в пузыре из улыбок, смешков, моментов уныния и печали, предельно обезжизненных и потускневших. Моя жизнь – карусель эмоций: сегодня она высоко поднимает меня, а завтра сбрасывает в самое мрачное отчаяние. Я ликую, пока испытываю эмоцию, чтобы потом сложить все в ящик „прекрасного опыта“. Но понимаю, что этого мало, мне хочется гораздо большего, чего-то, что должно непременно быть великим, поскольку, как говорит Кьеркегор, „ничто конечное, ни даже целый мир, не в состоянии удовлетворить человеческий дух, испытывающий нужду в вечности“.

Какое-то время назад в журнале «Tracce» была опубликована статья, где нигилизм, о котором мы говорим, описывался как «скрытый враг, которого трудно ухватить и распознать, поскольку его черты не всегда четко различимы... куда чаще они принимают неосязаемую форму необратимой пустоты»⁵. Неосязаемую и одновременно очень конкретную. Один мой друг-студент сказал: «Ничто намного тоньше и скользче, чем я представлял, мелкое повседневное ничто, так часто грозящее захватить власть в моей жизни».

Чтобы максимально выявить проблему, которую кто-то даже не видит или всеми силами пытается не видеть, скажем так: сомнение в конечном содержании реальности и неверие в возможный смысл

⁵ C. Esposito. *Il nichilismo della porta accanto*. / A cura di Davide Perillo // *Tracce – Litterae communionis*. Novembre. 2019. P. 12–18.

и свершение существования переплетаются и подпитывают друг друга в нигилизме, затрагивающем всех нас.

Одним словом, нынешнюю форму нигилизма можно описать как чувство пустоты снаружи (контекст нашей жизни порой превращается в «пузырь из улыбок, смешков, моментов уныния и печали, предельно обезжизненных и потускневших») и внутри нас (я понимаю, что мне этого мало, мне хочется гораздо большего»), и оно ведет к ослаблению отношений с реальностью, с обстоятельствами, которые в конечном итоге выглядят безумными, не заслуживающими нашего согласия. «Я» как будто охвачено вялостью, тормозящей взаимодействие с происходящим, даже когда мы втянуты в круговорот необузданной деятельности, той самой, что внезапно оказалась временно прервана коронавирусом. В результате мы все в большей или меньшей степени «вынуждены» были задуматься, куда идем, чего хотим от жизни, что действительно поддерживает ее.

Возможно, необузданная деятельность не утихла даже во время карантина: для многих просто-напросто изменилась ее форма. И мы поняли то, о чем хорошо сказал Льюис: «Ничто очень сильно, достаточно сильно, чтобы украсть лучшие годы человека, отдать их не улаждающим грехам, а унылому *блужданию ума* неизвестно где и зачем. Ничто отдает эти годы на утоление любопытства, столь слабого, что человек сам его едва осознает»⁶. Мне в голову сразу приходят

⁶ Ср. К. С. Льюис. *Письма Баламута*. Письмо двенадцатое. *Курсив наш*.

многочисленные предпринятые в последнее время попытки не останавливаться на слишком тревожных вопросах и искать скорейшего удовлетворения в карусели разнообразных стимулов.

Вялость, блуждание ума и, как замечает Оруэлл в своем пророческом романе «1984», *апатия*: «Ему пришло в голову, что самое характерное в нынешней жизни – не жестокость ее и не шаткость, а просто убожество [пустота], тусклость, апатия»⁷. Такие «тусклость и апатия» разъедают самые глубины «я» и роют широкий ров между нами и происходящим. «Не было ничего, что бы мог я тогда уважать в моем окружающем и к чему бы потянуло меня», – пишет Достоевский⁸.

Ничто, кажется, не в силах по-настоящему занять «я». У нас есть отношения, мы совершаем дела, и все же они наводят на нас скуку, даже те из них, которые когда-то нас воодушевляли.

Вот лицо сегодняшнего нигилизма: астения, отсутствие устремленности, сил, утрата вкуса жизни, в глубине своей связанные с тем, что ничто нас не захватывает по-настоящему. «Богатства больше, но силы меньше; связующей мысли не стало; все размягчилось, все упрело, и все упрели! Все, все, все мы упрели!»⁹

⁷ Дж. Оруэлл. 1984. М.: АСТ, 2016. С. 75.

⁸ Ф. М. Достоевский. *Записки из подполья* // Полное собрание сочинений и писем: в 35 т. Т. 5. СПб.: Наука, 2016. С. 142.

⁹ Ф. М. Достоевский. *Идиот* // Полное собрание сочинений и писем: в 35 т. Т. 8. СПб.: Наука, 2016. С. 349.

2. Утрата смысла, соразмерного жизни

Чезаре Павезе в стихотворении, сочиненном, когда ему было семнадцать лет, описывает боль от утраты смысла, отвечающего ожиданиям человеческой жизни: «Бродить по улицам в одиночку, / постоянно терзаясь страхом / увидеть, как на моих глазах исчезнут / творенья, которыми я долго любовался; / чувствовать, как в душе слабеют / пыл, надежда... все... все / и остаться вот так, без любви... / обреченным каждый день на тоску»¹⁰.

Несколько месяцев назад одна студентка написала мне: «В последнее время, как никогда раньше, я осознала, что переживаю моменты пустоты, моменты, когда горизонт моей жизни определяется упадком желаний, и я пропадаю, живу наполовину. Ничто внутри меня говорит вкрадчивым голосом, подбивает не растрачивать себя: поберечь силы, поскольку стоит делать лишь то, что приходит в голову мне, даже не рассматривая другие предложения; поберечь себя в отношениях, поскольку не стоит делиться с другими людьми моими трудностями. Короче, оно склоняет меня обходиться минимумом, и от этого я становлюсь все более черствой и недовольной. Сейчас, в последние дни ноября, я словно дышу могильным воздухом: перед многочисленными прекрасными обстоятельствами – от неожиданных отношений с первокурсниками до выпуска моих старших друзей – я часто замыкаюсь в собственных мыслях и проблемах. Я замечаю, что живу во власти

¹⁰ C. Pavese. *A Mario Sturani*. Monza-Torino. 13 gennaio 1926.

ничто, дурного состояния, которое не могу объяснить».

О таком же опыте идет речь в отрывке и из другого письма, полученного мной недавно: «Сидя дома без работы [из-за изоляции в связи с чрезвычайным санитарным положением], я на собственной шкуре начал испытывать небытие, о котором говоришь ты. Если это время не наполнено чем-то долговечным, оно совершенно пусто, а я ничто».

Но и это не все. К приведенным характерным чертам добавляется еще и чувство неспособности изменить состояние, в которое мы впали («неосозаемую форму необратимой пустоты», как уже было сказано), вновь подняться, словно недостаточно усилий и даже побуждений со стороны, чтобы поднять нас на ноги, чтобы заставить нас изменить взгляд на самих себя и на вещи, увидеть глубину реальности и избавить нас от той пустоты, что мы ощущаем.

Это болезненный опыт, общий для многих наших современников. «По правде говоря, ничто не сможет избавить вас от тех все чаще повторяющихся минут, когда ваше абсолютное одиночество, ощущение вселенской пустоты и предчувствие в грядущем какой-то ужасной, разрушительной личной катастрофы сливаются воедино, причиняя вам жестокие страдания»¹¹. Именно поэтому папа Франциск утверждает, что сегодня «серьезная угроза... [это] потеря смысла жизни»¹².

¹¹ М. Уэльбек. *Расширение пространства борьбы*. М.: Иностранка, 2007. Гл. 3.

¹² Франциск. *Общая аудиенция*. 27 ноября 2019 г.

Нам нужно что-то способное пробудить все наше желание и вновь распахнуть нас перед вызовами реальности, обстоятельств, чтобы мы могли «всегда насыщенно жить реальностью»¹³. Одних только событий явно недостаточно. Мы как будто пытаемся подняться на склон и постоянно соскальзываем вниз, возвращаемся в отправную точку. Мы снова скатываемся в наше ничто, в небытие, и не понимаем, что может противостоять ему, из чего нам исходить. И потому испытываем серьезные затруднения с самими собой.

Психоаналитик Умберто Галимберти обнаружил этот недуг в молодежи: «Молодым людям плохо, и они даже не понимают почему»¹⁴, – но он распространяется на всех.

«Фраза Галимберти, – пишет мне один молодой друг, – разодрала мое сердце, поскольку она с точностью описывает мою жизнь в этот период. Вот уже несколько месяцев я ощущаю своего рода неудовлетворенность и тоску во всем, чем занимаюсь. Я вижу неудовлетворенность повсюду, словно под маской улыбок и тысячи дел, которые нужно делать, царствует ничто, отсутствие подлинного смысла, отсутствие подлинной радости. Когда нет смысла, остается только долг, бесполезное раздутое чувство долга, еще больше тянущее меня ко дну. Веро-

¹³ Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 126.

¹⁴ U. Galimberti. *A 18 anni via da casa: ci vuole un servizio civile di 12 mesi / Intervista di S. Lorenzetto // Corriere della Sera*. 15 settembre. 2019.

ятно, это и есть нигилизм, о котором ты часто говоришь. И это проблема, касающаяся моего существования. Действительно, жизнь сейчас как будто в меньшей степени жизнь. И вот первое подтверждение: все, что идет вразрез с моими планами, превращается в лавину, которая накрывает меня. Достаточно ерунды, самой малости, отличной от того, чего хочу я, и я падаю, сдаюсь, опускаю руки. Перед реальностью я как бы капитулирую и становлюсь печальным. Несмотря на маски, на попытки притвориться, будто все хорошо, заставить себя идти вперед, я замечаю, что, глядя на все события, которые со мной случаются, я в глубине души печален, но не понимаю почему. Еще несколько лет назад все было наоборот, трудности были трамплином, а не лавиной. Сейчас я стараюсь не смотреть на потребность моего сердца, делаю вид, что ее нет и что у меня все в порядке. Ничто меня не удивляет. Я нуждаюсь в чем-то великом, способном победить пустоту, в которую я свалился. Мне необходимо заново начать удивляться, мне нужно понимать, что случается со мной в течение дня. Я не хочу и дальше оставаться в пустоте».

Мы опускаем руки, сосредотачиваемся, ни на что не претендуя, на банальных вещах, чтобы хоть как-то заполнить время. «Ничто не выбирают, ему отдаются»¹⁵, потому что, говорил Мальро, «нет идеала, которому мы могли бы принести себя в жертву», ради которого действительно стоит

¹⁵ С. Fabro. *Libro dell'esistenza e della libertà vagabonda*. Casale Monferrato (AL): Piemme, 2000. P. 28.

прилагать усилия, «ибо мы, кому неведомо, что есть истина, знаем: все идеалы ложны»¹⁶.

Нынешний нигилизм уже не тот, что прежде, когда он героически нападал на ценности; сегодня нигилизм не амбициозен: у него наружность «нормальной» жизни, но с червоточиной внутри, поскольку ничто, кажется, не обладает ценностью, не притягивает, не захватывает по-настоящему. Мы сносим этот нигилизм пассивно, он проникает под кожу и утомляет желание, которое становится похоже на марафонца, изможденного через мгновение после старта. Аугусто Дель Ноче говорил о «нигилизме, в котором нет беспокойности», который стремится утопить «Августиново *inquietum cor meum* [сердце, не знающее покоя]»¹⁷ в легкомысленных наслаждениях.

3. Свобода перед выбором

В этом контексте перед нашей свободой встает альтернатива. Спросим себя: можем ли мы ограничиться отрешенным созерцанием небытия, продвигающегося по нашей жизни, как пишет Уэльбек? «Расположившись на перекрестье пространства и времени, / наблюдаю холодным взглядом за продвижением ничто»¹⁸.

¹⁶ Ср. А. Мальро. *Искушение Запада // Зеркало лимба*. М.: Прогресс, 1989. С. 38.

¹⁷ А. Del Noce. *Lettera a Rodolfo Quadrelli*. Inedito, 1984. «Сегодняшний нигилизм – нигилизм веселый, в нем нет беспокойности (пожалуй, для него характерно упразднение Августинова *inquietum cor meum*)».

¹⁸ М. Houellebecq. *Cahier*. Milano: La nave di Teseo, 2019. P. 23.

Мы можем, в частности, свободно решить не видеть и сбежать: «Хорошо, мы во власти небытия. Да какая разница!» – наивно думая, что проблема разрешится, если просто отвести взгляд в сторону. Такой вариант есть всегда. Эдгар Морен, один из самых выдающихся ныне живущих мыслителей, тонко подмечает: «Я понял, что источник ошибок и заблуждений – в утаивании тревожащих нас фактов, в их усыплении и удалении из головы»¹⁹. Это как вырвать зуб, чтобы избавиться от боли; глаза не видят, сердце не страдает. Во время эпидемии коронавируса что мы только не пробовали делать. Если бы Иов жил в наши времена, его друг Софар, чтобы утешить его в перенесенных несчастьях, мог бы сказать: «В период изоляции нужно отвлечься. Нет лучшего анальгетика, чем удовольствия!»

Но так ли это? Можно ли и правда преуспеть в попытке, которую Дель Ноче приписывает веселому нигилизму, то есть в подавлении сердечного беспокойства или, как говорит Морен, в устранении из наших мыслей надвигающегося ничто? Пусть каждый судит по собственному опыту. Разрешаем ли мы проблему, просто отворачиваясь от нее?

Находятся те, кому, подобно журналистке Андреа Момоито, хватает искренности, чтобы признать непрактичность такого пути: «Выдался тяжелый день? Не переживай, я отправлю тебе одну из тех глупых фраз, которые мы продолжаем пересылать в вотсапе, хотя мне они отнюдь не кажутся смешными и хотя я чувствую себя ци-

¹⁹ E. Morin. *Insegnare a vivere. Manifesto per cambiare l'educazione*. Milano: Raffaello Cortina, 2015. P. 14.

ничным человеком, пытающимся сорвать улыбку с лиц других, тогда как единственное, чего мне хочется, – это посмотреть „Центральную больницу“ (Hospital Central – испанский телесериал. – *Примеч. перев.*). Я записываю видео с моей коллегой Андреа Либой, думаю, какие дурацкие gif-картинки опубликовать в инстаграме, а потом падаю, поскольку ни во что не верю. Мне нужно знать, что мой мир здесь, но что он не такой. <...> Больше мне сказать нечего, кроме того, что я в отчаянии, что мне трудно понять все это веселье в воздухе, весь этот оптимизм, все эти просьбы о звонках в зуме, все эти сообщения, аплодисменты и прочий бред. <...> Мне остается только учиться жить со злобой, злобой, которая захватывает меня и в которой я не знаю, кого винить»²⁰. Столь же искренне писательница Соль Агирре признается, что придумала рецепт, чья несостоятельность ясна и ей самой: «И вот я рассказываю глупости... чтобы увидеть, не вызовет ли ненароком какая-нибудь из них улыбку на сердитом лице. В очередной раз смех становится противоядием для слишком мрачной реальности. Смешки, часто воспринимаемые с таким презрением, – вот мое вечное лекарство»²¹.

Правда в том, что, как пишет Симона Вейль, «никто... не довольствуется тем, чтобы просто жить... Мы хотим жить для чего-то»²², хотим жить насыщено. А Достоевский замечает: «Можно ошибиться в идее, но нельзя ошибиться сердцем

²⁰ A. Momoito. *Público*. 10 de abril de 2020.

²¹ S. Aguirre. *El Español*. 3 de abril de 2020.

²² S. Weil. *L'amore di Dio*. Roma: Borla, 1979. P. 78.

и ошибкой стать бессовестным, то есть действовать против своего убеждения»²³. Если сердцем ошибиться нельзя, что это значит?

Мы можем перестать принимать в расчет наш недуг, то есть проблему небытия, разъедающего жизнь, удалить его из поля зрения. Но, к нашему удивлению, боль остается. И еще как остается! Беспокойность сердца можно прикрыть, но не подавить; неудовлетворенность можно утаить, но не устранить. В нас есть что-то, что нельзя окончательно замолчать. Несмотря на притворство, попытки делать вид, будто все хорошо, и через силу идти вперед, мы печальны, и все кажется лавиной, которая придавливает нас. Какое уж тут «нет зуба, нет боли»! Боль остается. Какая-то часть нас сопротивляется и заявляет о себе. «Что-то не умирало во мне внутри, в глубине сердца и совести, не хотело умереть и сказывалось жгучей тоской»²⁴.

Откуда же в нас сопротивление? Об этом говорит Уэльбек в письме Бернару-Анри Леви, которое я неоднократно цитировал в последний год как раз потому, что, на мой взгляд, оно ярко свидетельствует об интересующей нас человеческой динамике: «Стыдно признаться, но мне все чаще хотелось, чтобы меня любили. <...> Однако по недолгом размышлении я всякий раз убеждался в нелепости этой мечты... И все же размышления

²³ Ф. М. Достоевский. *Письмо А. Н. Майкову. 18 января 1856 г.* // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л.: Наука, 1985. С. 209.

²⁴ Ф. М. Достоевский. *Записки из подполья.* С. 185.

ни к чему не вели, желание пересиливало, и, должен признаться, оно и сейчас пересиливает»²⁵.

И потому давайте не будем водить друг друга за нос и не позволим кому-то еще обманывать нас и утверждать, что для разрешения жизненной проблемы достаточно отвести взгляд в сторону. Нигилизм наталкивается на сопротивление прежде всего в нас самих. Отнесемся к этому с вниманием.

В связи с вызовом коронавируса испанский режиссер Изабель Койшет вынуждена признать свое бессилие: «Всего того, что мы воспринимали как должное, больше нет. А открывающееся перед нами, – густой туман, лишенный света. Я понимаю, что не умею переживать этот час, эти минуты, тянущиеся вечно»²⁶. Она соглашается: ей не удастся смотреть в лицо происходящему с ней, как и с нами, и от этого ей плохо, и минуты превращаются в кошмар, которому, кажется, нет конца. Соль Агирре, со своей стороны, описывает опыт изоляции: «В течение первой недели после введения ограничений я боялась. Не только коронавируса, но и того, что в мою дверь может постучаться печаль. Я говорю про невыносимую и затяжную печаль, омрачающую взгляд и жизнь. Я никому в этом не признавалась, так как знаю, что бы мне сказали: будь счастлива, строй планы, найди решение»²⁷.

²⁵ Ср. М. Уэльбек. Письмо от 2 февраля 2008 г. // *Враги общества*. М.: Азбука, 2011.

²⁶ I. Coixet. ABC. 31 de marzo de 2020.

²⁷ S. Aguirre. *El Español*. 10 de abril de 2020.

4. Неискоренимое желание

Что становится очевидным в подобных реакциях, в подобных чистосердечных и откровенных исповедях? Постоянство изначального стержня человеческого «я», которому свойственно желание свершения, желание любить и быть любимым, познать исчерпывающий смысл самого себя и реальности. Поразительно замечать это в таком человеке, как Уэльбек. Нам неподвластно конечное направление нашего желания, устремления, пронизывающего глубины нашего существа. Именно об этом забываемым образом говорит Августин: «*Fecisti nos ad Te, Domine, et irrequietum est cor nostrum donec requiescat in Te*»²⁸. Вот подлинное устройство человека, заявляющее о себе со всей непоколебимостью, хотя, возможно, и под другими именами, в самой сердцевине нигилизма, ставшего сегодня культурной привычкой и социальным феноменом.

Каков же тогда первый шаг того, кто не хочет жить, убегая от проблем, для которых у него нет решения? Признать – именно в настоящем контексте, обусловленном отсутствием смысла – существование чего-то неумалимого, неискоренимого, сопротивляющегося нигилизму и любому рационалистскому цинизму. Что в нас сопротивляется? Наше «я», не поддающееся редукции.

Если я внимателен, то должен признать стойкость исходной структуры моего «я», меня, претерпевающего отсутствие смысла, погруженного

²⁸ «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе». Августин Аврелий. *Исповедь*, I, 1.

в него, ибо оно давно уже стало «средой», «культурой». Чем шире распространяется небытие, тем яснее обнаруживаются во всей их глубине раны и ожидания нашей человечности, больше не прикрытые культурной диалектикой и коллективными проектами, которые уже не цепляют нас. Эти ожидания и раны выявляются в их первоначальном виде, не облеченные в броню многочисленных слов. «Что-то не умирало во мне внутри», – говорил Достоевский. А Честертон замечал: «Если вы на самом деле потерпели крушение, вы всегда найдете, что вам нужно!»²⁹

Со вспышкой коронавируса мы с удивлением заметили, что вышли из оцепенения и у нас возникли вопросы. «Мы пребывали в эпохе, – утверждает Маурицио Маджани в интервью журналу «Трассе», – которая, казалось, тогда и закончилась. В ней уже ничего не могло случиться, у всего имелась своя неприступная логика. Систему нельзя было подорвать. Мы жили, словно говоря: чего большего тебе надо? Чего лучшего тебе хочется? Да и где большее? Где лучшее? Это был конец истории. <...> Бесконечная степь, равнина. Однако подземный толчок избородил эту недвижную ширь, превратив ее в волнующий пейзаж». Каков первый результат описанного землетрясения? Вопросы. «Нужно, чтобы каждый задался вопросами, потому что они переносят нас в менее тесное пространство, высвобождают из-за тюремной решетки, за которую мы себя поместили. <...> В сумятице, в нашем хаосе мы можем добраться до

²⁹ Г. К. Честертон. *Жив-человек*. Ч. 1. Гл. 3.

разумности, до взрослого состояния. Как? Спрашивая. Задавая вопросы». Перед лицом вопросов утихает «все нахальство, все высокомерие»³⁰, так часто нам сопутствующие.

Нам был брошен головокружительный вызов, и вопросы пробили брешь в стене нашей зоны комфорта, в которой мы искали убежища. Пузырь лопнул: «Слишком долго мы жили под анестезией, – говорит писательница Нурия Лабари, – будучи частью системы, чьи основания очень уж часто оказывались неверными»³¹. Мы пережили опыт, описанный отцом Джуссани в десятой главе «Религиозного чувства»: «В человеке, который редко сталкивался с реальностью, например потому, что ему мало приходилось трудиться, скудным окажется ощущение собственного сознания, он в меньшей степени будет воспринимать силу и трепет своего разума»³².

Есть моменты, когда реальность сотрясает нас настолько сильно, что крайне сложно смягчить удар, уклониться от вызова или проигнорировать его. Произошедшее пробудило в нас (при участии нашей свободы) внимание, вновь привело в движение разум, высвободив вопросы, в которых выражается его природа. Я имею в виду образующую нас неотложную потребность в смысле, которую столкновение с реальностью, как она есть, принятое нами, выявило внушительным образом.

³⁰ M. Maggiani. *Il cambio della vita.* / A cura di Alessandra Stoppa // *Tracce – Litterae communionis.* Maggio. 2020. P. 15–16.

³¹ N. Labari. *El País.* 18 de marzo de 2020.

³² Л. Джуссани. *Религиозное чувство.* С. 117.

Именно поэтому мы говорили о «пробуждении человечности»³³.

5. Крик, подразумевающий существование ответа

Чем дальше распространяется нигилизм, тем очевиднее невозможность жить без смысла, тем ощущаемее нерушимое желание быть нужными, быть любимыми.

Именно это происходит с блудным сыном, о котором рассказывает Евангелие³⁴: чем ниже он опускается, тем на удивление отчетливее проявляется в нем тоска по отцу. Но даже и те, кто думает, что у них нет отца, замечают: желание быть любимыми остается непреклонным, как свидетельствовало письмо Уэльбека Бернару-Анри Леви. Это желание не сходит на нет, не угасает. «Наше время недоверчиво к словам и избегает догм. И все же ему известно, что значит желание. Оно желает смутно, само не зная чего, зная только, что внутри него есть пустота, которую надо заполнить»³⁵. Поэтому, по словам Чехова, чтобы разобраться, что за человек перед тобой, нужно смотреть на его желание: «Когда мне прежде приходила охота понять кого-нибудь или себя, то я принимал во внимание не поступки, в которых все условно, а желания [мы

³³ См. Х. Каррон. *Пробуждение человечности*. Milano: Bur, 2020. E-book.

³⁴ Лк. 15:11–32.

³⁵ E. Varden. *La solitudine spezzata. Sulla memoria cristiana*. Magnano (Bi): Edizioni Qiqajon – Comunità di Bose, 2019. P. 143.

же делаем наоборот: охваченные моралистическим остервенением по отношению к самим себе, с легкостью фиксируем взгляд на наших ошибках, чтобы потом «истязать» себя»³⁶. На что Иисус смотрит в самарянке? На ее желание. Он обращается к жажде той женщины: «У Меня есть вода, новая вода, иная, единственная способная утолить твою жажду»³⁷. В этом смысле Чехов и заявляет: «Скажи мне, чего ты хочешь, и я скажу, кто ты»³⁸.

Все наше «я» – в нашем желании, все сводится к тому, чего мы по-настоящему и глубоко хотим. А чего сейчас хочешь ты, чего желаешь? «Думаю, мое постоянное напоминание о желании, протекающее из опыта моей жизни... делает более привлекательным [более интересным] то, о чем я говорю, ведь [желание] – это так очевидно по-человечески, но притом его меньше всего признают»³⁹. Многим хотелось бы подавить его, как мы сказали выше, отвернуться, попать его.

Как жить в такой ситуации? От чего оттолкнуться, чтобы вновь завоевать жизнь, которую мы рискуем потерять? Этот вопрос выражает неотложную потребность экзистенциального характера, он подобен жалу в плоти. Желание не поддается редукциям, оно сопротивляется, несмотря на распространяющееся ничто, и делает жизнь драматичной,

³⁶ А. П. Чехов. *Скучная история* // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 7. М.: Наука, 1977. С. 306–307

³⁷ Ср. *Ин* 4:4–42.

³⁸ А. П. Чехов. *Скучная история*. С. 306–307.

³⁹ Fraternalità di Comunione e Liberazione (FCL). *Documentazione audiovisiva*. Giornata di meditazione per gli sposati. Milano, 23 gennaio 1977.

заставляя вопрос гореть еще сильнее. И потому перед нами альтернатива: сдаться, отвернуться, притвориться, будто ничего не происходит, обманывая самих себя, или позволить, чтобы все наше желание вылилось в крик, идти за насущной потребностью сердца, которую никто не в состоянии угасить. Мы можем признать реальное положение дел, начиная с наших собственных затруднений, и кричать о нашей жажде исчерпывающего смысла, о жажде полного удовлетворения.

Но разумно ли кричать, если в конечном итоге ничего нет? Порой мы впадаем в уныние, крик утомляет нас. В другие моменты верх берет сомнение: стоит ли вообще кричать? Причина такого уныния, таких сомнений в том, что мы считаем очевидным существование крика в сердце, желания, противостоящего любому нигилизму. Однако существование крика, вопроса, желания совершенно неочевидно. И поэтому, стоит о нем задуматься, оно нас изумляет. А что подразумевает существование крика?

Если есть крик, есть и ответ. Иногда нам сложно понять такого рода утверждения. Причина уже была обозначена: мы воспринимаем крик как нечто самоочевидное. Используя разум в полной мере, оставаясь верным тому, что проявляется в опыте, Джуссани формулирует неизменный закон: «Утверждение о существовании ответа... содержится уже в вопросе как таковом»⁴⁰. При всей его таинственности ответ существует. Он подразумевается вопросом (в процитированном интервью

⁴⁰ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 66.

Маурицио Маджани замечает, что ответ «уже заключен в вопросе»⁴¹). И действительно, настаивает Джуссани, человек «подавляет вопрос, если не допускает существование ответа»⁴².

«Я» каждого из нас есть «голод, жажда и влечение к конечному объекту, нависающему над... [человеческим] горизонтом, но неизменно пребывающему за его пределами»⁴³. Вопрос о смысле, любви, свершении неявно утверждает полноту, «конечный ответ, лежащий за пределами опытно познаваемых аспектов бытия», но существующий. Почему я знаю, что он существует? Потому что – повторяю – его существование заложено в саму динамику моей личности, в свойственную моей человечности структуру потребностей. «Если отбросить предположение о *запредельном*, потребности эти окажутся противоестественным образом подавлены»⁴⁴.

Вопрос об исчерпывающем смысле, о всеобъемлющем объяснении является образующим для нашего разума, он высшее его выражение. Сам факт постановки вопроса «вынуждает» нас утверждать существование ответа, пусть он и лежит за горизонтом того, что вписывается в нашу меру. «Это объяснение... [разум, «я»] не может найти в рамках своего жизненного опыта... Если мы хотим спасти разум, то есть если хотим быть последовательными по отношению к той энергии, которая

⁴¹ М. Maggiani. *Il cambio della vita*. P. 15.

⁴² Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 65.

⁴³ Ср. *Там же*. С. 58.

⁴⁴ Ср. *Там же*. С. 134.

определяет нас, если не хотим отречься от нее, то сама ее динамика заставляет нас утверждать, что исчерпывающий ответ находится *по ту сторону* горизонта нашей жизни»⁴⁵. Он не совпадает ни с чем, до чего я могу дотянуться, я не знаю, что он из себя представляет, но знаю, что он есть. А иначе не было бы и крика и необъяснимым бы оказалось наличие вопроса.

Когда мы упраздняем категорию возможного, из которой, собственно, соткан разум, когда, испытывая трудности с утверждением ответа, ибо он не вписывается в рамки достижимого, мы говорим: «Ответа нет, он невозможен», – мы отрицаем разум в его сути, угнетаем его жизненную динамику. Если бы я заблудился в лесу, крик о помощи был бы самым разумным действием. Но крик подразумевает возможное существование кого-то, кто меня услышит. Сколь бы далеко ни находился другой человек, я никогда не в состоянии *полностью* вычеркнуть возможность, что он меня услышит. В противном случае кричать было бы нелепо.

В этом смысле не признавать существование ответа – значит отрицать вопрос (который, однако, есть), отрицать порыв разума, устремление желания. Именно такая «иррациональность», такое «отчаяние»⁴⁶ – сильное искушение для современного человека, для каждого из нас, когда мы встречаем трудности на жизненном пути.

⁴⁵ Ср. *Там же*. С. 135. Чуть ниже Джуссани пишет: «Высшее достижение разума – осознание, что существует нечто неведомое, недоступное, к чему направлено все движение человека, ибо от него он зависит. Это представление о *тайне*» (С. 136).

⁴⁶ См. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 84–86.

6. «Ты», внимающее крику

Крик как выражение острой потребности разума в смысле, в желании, чтобы собственное сердце достигло свершения, является частью человеческой природы. Его можно приглушить, ослабить, подавить, но не искоренить – ни в себе, ни в других. Это просто не в наших силах. Он есть «высшее проявление величия и благородства, на какое только способна человеческая природа»⁴⁷, – пишет Леопарди. Безусловно, искушение не принимать его в расчет по-разному подстерегает нас, и часто мы видим, насколько сложно открыться перед всем его масштабом и оставаться ему верными. За время карантина были моменты, когда, как признаются многие, мы с большей ясностью, с большей неизбежностью ощутили, как он прорывается наружу. В другие же моменты он подобен голоду, который утихает, потому что не удастся добыть пищу, способную утолить его, или же поиску, который сходит на нет из-за отсутствия каких-либо примет искомого.

Когда же вопрос пробуждается вновь? Когда мы оказываемся перед присутствием, которое отвечает, которое соразмерно нашему вопросу о полноте. И потому нетрудно представить, каким сильным, каким неудержимым был крик слепого Вартимея, узнавшего, что к нему приближается Тот, о Ком говорили, что Он отвечает на глубинный вопрос человеческой жизни.

⁴⁷ Дж. Леопарди. *Мысли. LXVIII // Нравственные очерки. Дневник размышлений. Мысли.* М.: Республика, 2000. С. 364.

«Приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать [кричать можно только перед кем-то; мимо Вартимея проходили толпы людей, но лишь услышав о том Человеке с конкретным именем, он начал кричать]: Иисус, Сын Давидов! помилуй меня. Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от Меня?»⁴⁸

С того времени, с тех пор как Иисус вторгся в историю, на горизонте человеческой жизни появилось Присутствие, к которому можно обращаться с криком, Тот, Кто, слыша крик каждого из нас, спрашивает: «Чего ты хочешь от Меня?» Есть Тот, Кто внимает нашему крику, Присутствие, которое никто не в силах устранить, ибо оно есть Факт, произошедший и происходящий, современный, пребывающий в истории. Всем дана возможность встретиться с Ним. В какой угодно ситуации, даже когда мы ощущаем себя черствыми и усталыми, чувствуем, что ничто нас не приводит в волнение, что небытие осаждает нас, никто, вне зависимости от занимаемой позиции, не в состоянии избежать вопроса Христа, достигающего нас, вновь звучащего, вновь гремящего, обращенно-

⁴⁸ Мк. 10:46–51.

го к каждому лично: «Чего ты хочешь от Меня?» И никто не мешает нам ответить, подобно слепому Вартимею: «Учитель! чтобы мне прозреть»⁴⁹, чтобы я мог «видеть», то есть на опыте переживать Твою притягательность, вырывающую меня из небытия.

Христианская компания состоит из людей, которые, как Вартимей, заметили и приняли Присутствие, способное внять крику нашей человечности, пробуждающее в нас глубокую, непоколебимую любовь к самим себе, ни в каком другом случае непредставимую нежность к самим себе; поддерживающее нас на пути, чтобы мы не скатились в пустоту.

⁴⁹ Мк. 10:51.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«КАК ЗАПОЛНИТЬ ЭТУ БЕЗДНУ ЖИЗНИ?»

Вопрос, на котором мы сосредоточили наше внимание, является основополагающим: «Что вырывает нас из небытия?» Как в неизбежной драме жизни не пасть под грузом нашей уязвимости и нашего бессилия? Что в состоянии ответить на отсутствие смысла? Удар, нанесенный коронавирусом, коснувшийся каждого из нас, заставивший нас бояться за нашу жизнь, обострил вопрос еще сильнее и тем самым позволил нам с большей ясностью пересмотреть и взвесить наши варианты ответа на него.

1. Неудовлетворительные попытки

*А. Приводить аргументы,
которые никого не увлекают*

Некоторые люди думают, что для победы над грозящим нам ничто достаточно *рассуждений*. Но, как показывает опыт, одних только рассуждений мало. Мысль, философия, психологический или интеллектуальный анализ не в состоянии дать человеку новое начало, вернуть дыхание его желанию, возродить «я». Библиотеки полны такими

текстами, а благодаря интернету они доступны каждому, но небытие все равно распространяется. Мы сознаём их несостоятельность, когда внимательно вглядываемся в то, что будоражит глубины нашего сердца. «Человеческое существо подразумевает нечто большее, нежели простое существование; есть в человеческом существе нечто скрытое, подавленное, пренебреженное или искаженное. Как проникнуть под его оболочку приспособления и понять, в приспособлении ли его конечное призвание? Мы изучаем человеческое поведение и не должны забывать о человеческой потерянности»⁵⁰.

Как много слов, которые мы слышим или произносим, брошены на ветер! «[Он] говорит бесконечно много пустяков, больше, чем кто-либо в Венеции; его рассуждения – это два зерна пшеницы, спрятанные в двух мерах мякины. Чтобы их найти, надо искать весь день, а найдешь – увидишь, что и искать не стоило»⁵¹, – обличает одного из своих персонажей Шекспир. Разум может вращаться вхолостую вокруг доводов, лишенных реального содержания. «Для ума... всегда есть искушение увлечься игрой понятий, которую он находит притягательной, не замечая при этом, что тем самым рвется связь, соединяющая его с реальностью»⁵².

⁵⁰ A. J. Heschel. *Who is Man?* Stanford, CA: Stanford University Press, 1965. P. 5.

⁵¹ У. Шекспир. *Венецианский купец*. Акт I, сцена I. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

⁵² F. Varillon. *L'umiltà di Dio*. Magnano (Bi): Qiqajon – Comunità di Bose, 1999. P. 30.

Одним словом, недостаточно предлагать понятия, пусть даже корректные и правильные; не они в состоянии завоевать жизнь и утолить присущую ей жажду. И не «религиозные речи» – «набор разрозненных идей, не способных вдохновить других»⁵³, – убеждают современного человека. Мало иметь религиозные воззрения, говорить о Боге, трансцендентности или божественном, чтобы выбраться из болота нигилизма. Можно быть религиозными с культурной точки зрения, можно даже быть христианами, но за провозглашаемыми словами и истинами ощущать пустоту существования, вплоть до отчаяния. Не отвлеченные моралистические проповеди, религиозные ли или светские, вырывают нас из небытия. Павел Евдокимов писал: «Речей больше недостаточно, часы истории показывают, что настало время, когда вопрос не в том, чтобы просто говорить о Христе, а скорее, чтобы *стать Христом*, местом Его присутствия и Его слова»⁵⁴. Понятия, даже когда они во всем правильны, не способны произвести и тени того, что победило бы небытие. Гнозис в любой своей форме не может состязаться с экзистенциальным, конкретным нигилизмом. И мало поменять понятия или умножить интеллектуальные знания, чтобы решить проблему.

По-своему выражает нетерпимость к пустым разговорам, не содержащим реального опыта, Достоевский: «Мне вся эта болтовня-себятеше-

⁵³ См. Франциск. *Evangelii gaudium*, 147.

⁵⁴ P. N. Evdokimov. *L'amore folle di Dio*. Cinisello Balsamo (Mi): San Paolo, 2015. P. 63.

ние, все эти неумолчные, непрерывные общие места, и все то же да все то же, до того... опротивели, что, ей-богу, краснею, когда и другие-то, не то что я, при мне говорят»⁵⁵. На причину такой нетерпимости, которая в наше время стала повсеместной и которую мы первыми же и испытываем, указывает Бальтазар: «В мире, который больше не решается принимать красоту, неубедительными становятся аргументы в пользу добра, то есть силлогизмы отстукивают своим чередом, уподобляясь ротационным машинам или счетным устройствам, которые ежеминутно и бесперебойно выдают определенное количество заданного материала, но процесс, ведущий к выводу [к результату таких рассуждений, таких силлогизмов], уже никого не увлекает и сам вывод больше не выводится»⁵⁶. Мы можем говорить истинные вещи, но, не осуществляясь на наших глазах в конкретной притягательной красоте («*pulchritudo est splendor veritatis*»⁵⁷ – «красота есть сияние истины», – утверждает святой Фома), они уже более никого не увлекают, ни нас, ни других людей. Действительно, говорит все тот же Бальтазар, «если *verum* будет недоставать того *splendor*, который был для Фомы признаком прекрасного,

⁵⁵ Ф. М. Достоевский. *Преступление и наказание* // Полное собрание сочинений и писем: в 35 т. Т. 6. СПб.: Наука, 2016. С. 129.

⁵⁶ Ср. Г. У. фон Бальтазар. *Слава Господа. Богословская эстетика. Т. 1: Созерцание формы*. М.: ББИ, 2019. С. 5.

⁵⁷ «*Pulchritudo consistit in duobus, scilicet in splendore, et in partium proportione. Veritas autem habet splendoris rationem et acqualitas tenet locum proportionis*» (San Tommaso. *Commentum in Primum Librum Sententiarum*. Distinctio III, quaestio II, expositio primae partis).

тогда познание истины останется прагматичным и формальным»⁵⁸.

Б. Умножать правила

Другие люди видят противоядие от экзистенциального нигилизма в *этике*. Так множатся обращения к долгу, призывы к тому «что нужно делать», которые даже могут встретить покорность и почтение, если это служит собственному выживанию или удобно по той или иной причине. Однако они ни в малейшей мере не разрешают затруднение «я», не отвечают на его острую потребность в смысле. «Когда нет смысла, остается только долг, бесполезное раздутое чувство долга, еще больше тянущее меня ко дну»⁵⁹, – говорил молодой друг, процитированный выше. Толстой хорошо описал это состояние: «Всегда после таких пробуждений Нехлюдов составлял себе правила, которым намеревался следовать уже навсегда: писал дневник и начинал новую жизнь, которую он надеялся никогда уже не изменять, – *turning a new leaf* [переворачивал страницу], как он говорил себе. Но всякий раз соблазны мира улавливали его, и он, сам того не замечая, опять падал, и часто ниже того, каким он был прежде»⁶⁰. Этики, даже когда я ее одобряю, мало. И вновь Бальтазар открывает нам глубинную причину: «Если же *bonum* будет недо-

⁵⁸ Г. У. фон Бальтазар. *Слава Господа. Богословская эстетика*. Т. 1. С. 132.

⁵⁹ См. здесь. С. 13.

⁶⁰ Л. Н. Толстой. *Воскресение* // Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 32. М.: Худ. лит, 1936. С. 102.

ставать той *voluptas* [очарования, притягивающего нас и позволяющего переживать опыт полноты, наслаждения], которая для Августина была признаком прекрасного, тогда и отношение к благому будет утилитарным и гедонистическим»⁶¹.

Всем нам известно, насколько слабы любые попытки опираться на нравственное усилие, на меру нашего усердия, когда речь идет о том, чтобы утолить жажду собственного свершения. И если взрослое поколение свыкается с неспособностью проектов, жизненных программ и «дел» удовлетворить нужду, исходящую из глубин «я», то молодые люди остро ощущают пустоту и желание смысла, даже когда закрывают на них глаза. И они по-разному, порой весьма противоречиво, ищут пути удовлетворения или бегства. В статье «Наши ребята гибнут, хрупкие и одинокие», опубликованной несколько месяцев назад в газете *Corriere della Sera*, Сусанна Тамаро писала: «Не проходит уикенда, чтобы до нас не доносились грустные вести о группах друзей, которые теряют жизнь в ДТП после бурной ночи на дискотеке. В попытке остановить эту трагическую тенденцию, выстраиваются новые стратегии: более строгий контроль, алкотесты на выходе из клубов, организация транспорта, который развозил бы молодых людей по домам здоровыми и невредимыми. Это, конечно, необходимые и отчасти спасительные меры, но они не сильно отличаются от стремления ограничить пропасть колючей проволокой.

⁶¹ Г. У. фон Бальтазар. *Слава Господа. Богословская эстетика.* Т. I. С. 132.

Кто-то, безусловно, спасется, но пропасть всегда и в любом случае будет там, впереди... И что самое поразительное, никто при виде этих повторяющихся происшествий не остановится и не скажет: „Да что вообще творится?“»⁶²

На краю экзистенциальной пропасти нельзя думать, будто решение – в «колючей проволоке». Правила, засовы, ограничения не предохраняют жизнь от пустоты. Невозможно, чтобы в них заключался ответ на тайну нашего бытия, и опыт это постоянно подтверждает. Вещи не меняются, даже если мы изысканным образом обращаемся к тому, что греки называли «золотой серединой», этикой предела, защищающей нас от непомерных порывов, устремлений и желаний. «Мне хотелось бы, чтобы наша культура, не знающая пределов желанию, вернулась к этой культуре предела»⁶³.

Так что же, желание – изъян, который нужно исправить? Перед лицом его огромности, его чрезвычайности, не дающей нам покоя, со времен древних греков и по сей день кажется, будто единственное решение – уменьшить его. Однако более или менее ожесточенная борьба за то, чтобы вместить его в приемлемые пределы, есть самое очевидное подтверждение его структурной безграничности, его тревожащей непомерности. Провал любых попыток обуздать желание, загнать его в некие рамки, навязать правила, свидетельствует о невозможно-

⁶² S. Tamaro. *Fragili e soli, così cadono i nostri ragazzi* // *Corriere della Sera*. 18 ottobre 2019.

⁶³ U. Galimberti. *Il greco senso della misura* // *D la Repubblica*. 16 novembre 2019. P. 182.

сти редуцировать его, выявляет в глубине нашего существа постоянство августинова *cor inquietum*.

В. Понижать планку желания

Попытки редуцировать или замаскировать желание предпринимаются постоянно и повсеместно, замечает философ Луиза Мураро: «Возражения и обман возникают от самосдерживания: мы довольствуемся малым. Обман возникает, когда мы начинаем недооценивать огромность наших желаний и думать, что нужно соотносить их с нашими силами, от природы ограниченными». В итоге мы приспособливаемся к «ложным желаниям, как желания из рекламы, ставим себе целью любой результат, не преследуем наши подлинные интересы, не делаем того, что для нас по-настоящему важно, не ищем того, что [действительно] идет нам на пользу». «В конечном итоге мы утруждаем себя больше, чтобы получить меньше»⁶⁴. Опускаем планку нашего желания, пытаясь обмануть собственное сердце. Один молодой человек написал: «Мне тяжело жить на высоте моего желания, и часто я играю на понижение, довольствуясь гораздо меньшим». «Человек наполняет пустоту бесполезным»⁶⁵, – говорил Монтале. «Убивать время – значит множить занятия, которые заполнили бы пустоту. Немногие люди способны смотреть в пустоту хладнокровно, отсюда и социальная потребность что-то делать, даже если дела

⁶⁴ L. Muraro. *Il Dio delle donne*. Milano: Mondadori, 2003. P. 31–32.

⁶⁵ E. Montale. *Nel nostro tempo*. Milano: Rizzoli, 1972. P. 18.

едва усыпляют смутные опасения, что пустота проявится в нас»⁶⁶.

Что сегодня может быть важнее, чем открытие подлинной природы желания? «Сосредоточиться нужно, – замечает де Любак, – не на дани, которую каждый из нас в той или иной мере платит человеческим слабостям, а на природе и значении нашего желания»⁶⁷. Самая коварная угроза нынешнего времени заключается именно в незнании подлинного масштаба человеческого желания, в незнании, которое может идти разными путями и всячески поощряться теми, кто стремится контролировать жизнь других людей.

Льюис с присущей ему мудростью выражает эту мысль словами Баламута: «Самые глубокие импульсы и склонности человека – то сырье, та строительная площадка, которыми Враг [Бог] снабдил его. Заставив его отойти от них, мы выигрываем очко. Даже в несущественных вопросах желательнее подменить его собственные взгляды земными стандартами, условностями или модой»⁶⁸. Вот она, дьявольская тактика: отдалить нас от наших самых глубоких импульсов, от образующих нас желаний, отвлекая нас. Но отвлечение внимания, используемое любой властью с целью разъединения нас с самими собой, обнаруживает всю свою несостоятельность, как только реальность вновь

⁶⁶ E. Montale. *Ammazzare il tempo // Auto da fè*. Milano: Il Saggiatore, 1966. P. 207.

⁶⁷ Ср. А. де Любак. *Мысли о Церкви*. Милан-Москва: Христианская Россия, 1994. С. 205.

⁶⁸ К. С. Льюис. *Письма Баламута // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8. М.: Фонд о. Александра Меня, 2000. С. 54.*

сотрясает нас (мы увидели это на примере коронавируса), пробивая брешь в пузыре привычной лжи. Отвлекаясь, я, если выразаться словами рэпера Marracash, которые напоминают эпитафию, «заполняю время, но не пустоту»⁶⁹.

2. Наша человечность

Если не происходит что-то способное целиком покорить наше существо, пробудив интерес к реальности в ее полноте, все становится чуждым нам, как пишет Йозеф Рот: «Отчужденность разрасталась вокруг каждого из них, каждый словно сидел в непроницаемой стеклянной сфере, смотрел на другого и не достигал его»⁷⁰. Ни речи, светские ли или религиозные, ни напоминания о долге, о том, что «нужно делать», в том числе и во имя религии, не способны исцелить нас от астении желания и от притупленности интереса, о которых мы уже упоминали.

Об этом свидетельствует письмо одного молодого друга: «Как я вижу, самое большое искушение для меня – думать, будто я уже знаю ответ на вопрос о том, что вырывает меня из небытия. Но, имея дело с фактами, я всегда оказываюсь на краю пустоты. Всё, включая мою девушку, или учебу, или защиту диплома, может наскучить, все становится одина-

⁶⁹ Marracash. TUTTO QUESTO NIENTE – Gli occhi. 2019. © Universal Music.

⁷⁰ J. Roth. *Lo specchio cieco // Il mercante di coralli*. Milano: Adelphi, 1981. P. 63.

ковым и в некотором смысле далеким [недостаточным для исполнения желания]. Осознание такого безразличия [затрагивающего даже привязанность] наступает только потом, и чем усиленней я всматриваюсь в него, тем, кажется, в большее противоречие вхожу даже с тем, что, по-моему, уже знаю. Я понимаю, что окружен небытием, даже в простых разговорах с моими сокурсниками: диалоги между нами отмечены пустотой, мы перескакиваем с темы на тему, не помня, о чем шла речь раньше. Но одно мне ясно в такие моменты: я не создан ради пустоты. Мне нужны не бессодержательные разговоры, а что-то, что зацепит меня и вырвет из небытия. Однако, вероятно, одного осознания мало, чтобы заметить это что-то».

Я же, напротив, говорю: как раз такое осознание (мы не созданы ради пустоты) есть важнейшая, обязательная составляющая пути выявления того, что вырывает нас из небытия, – открытия нашего человеческого устремления, нашей человечности.

Что такое эта наша человечность, которая не дает себя обмануть, обвести вокруг пальца, которой мы не можем предложить любой произвольный ответ? Самообман и отвлечение внимания прикрывают трудности, но не вырывают нас из небытия. Даже раненая, потрепанная, запутавшаяся, наша человечность не позволяет сбить себя с толку, одурачить первому встречному. И это первый признак того, что она не так сильно запуталась, как кажется. И хотя порой из-за нехватки честности, или внимания, или подлинной нравственности мы следуем за тем, что неистинно, позволяем ему увлечь себя, рано или поздно именно человек-

ность внутри нас помогает осознать, что мы впали в великое заблуждение. Историк Франсуа Фюре подтверждает это названием одной из своих книг: «Прошлое одной иллюзии» (в ней имелась в виду иллюзия коммунизма).

Наша человечность – решающий и в конечном счете неодолимый оплот. «Я, – пишет Льюис, – ценю в опыте его честность: ошибайся сколько угодно, но не смей зажмуриваться — и ты увидишь сигнал об опасности, прежде чем зайдешь слишком далеко. Обманывай себя сам, если хочешь, – чувства тебя не обманут. Покуда ты честно испытываешь вселенную, они тебя не подведут»⁷¹. Есть, однако, важный момент: опыт, чтобы быть таковым, должен содержать суждение, оценку, а значит, и критерий, на основании которого выносятся суждения. Что это за критерий? Наша человечность. Она не какая-то мучительная тяжесть, не бремя, что мы вынуждены нести вопреки самим себе, не бездонная пропасть, препятствующая нашему отношению с реальностью. Нет, именно в ней – наш критерий суждения.

Я до сих пор помню, какая радость меня охватила, когда я сознательно и удивленно заметил в себе способность выносить суждение, позволяющую приобретать опыт в отношении со всем. Действительно, приобретать опыт – значит испытывать что-либо, вынося суждение и руководствуясь тем самым критерием, нашей человечностью, совокупностью исходных потребностей и очевидностей, внутренне нам присущей и оживающей в сопо-

⁷¹ См. К. С. Льюис. *Настигнут радость*. Гл. XI.

ставлении со всем, с чем мы встречаемся. Я понял, что вложенная в меня совокупность потребностей и очевидностей – конечный критерий для суждения о происходящем.

Сознавая важность нашей человечности с точки зрения познания, отец Джуссани говорит: «Только внимательное, а также нежное и полное пламенной любви осознание себя самого может распахнуть и расположить меня к признанию»⁷², позволяет заметить то, ради чего стоит жить. Мы должны спросить себя, свойственны ли такая любовь, такое внимание и такая нежность нашему взгляду на самих себя. Порой кажется, что речь о чем-то из другой галактики. Поразительно слышать утверждение Джуссани: «Как человек человек, как человечна человечность!»⁷³ Как человечна моя человечность! Нередко наша человечность внушает нам не пламенную любовь, а страх, мы приходим в смятение, будучи не в состоянии улавливать истинное, и в результате все рассеивается в умозрении. «Он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытье, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать»⁷⁴.

Чем чаще мы оставляем за скобками нашу человечность, тем больше колеблемся с признанием ценности происходящего, неуверенные, в какую сторону нам направиться. Это противоположно тому, что испанский поэт Хесус Монтель с вол-

⁷² Ср. Джуссани Л. *У истоков христианского притязания*. С. 7.

⁷³ L. Giussani. *Affezione e dimora*. Milano: Bur, 2001. P. 42.

⁷⁴ Ф. М. Достоевский. *Преступление и наказание*. С. 6.

нением увидел в своих детях в период коронавируса: «Мои дети не перестают меня удивлять. Во время изоляции они ни разу не пожаловались в отличие от нас, взрослых. Они принимают ситуацию, ведь для ребенка подлинная норма – это его семья. Я заметил, что ребенок, растущий в атмосфере любви (совсем необязательно совершенной), не много ищет сверх этого. <...> „Нам достаточно вас“, – говорят они. <...> Думаю, дети – доказательство того, что мы созданы не для осуществления неких проектов, а для того, чтобы жить, любя и будучи любимыми. Только в таком случае мимолетная ситуация имеет смысл и настоящее не рушится»⁷⁵.

Дети с легкостью понимают, что им нужно в жизни: присутствие родителей. Мы же, взрослые, как ни парадоксально, испытываем затруднения и часто впадаем в жалобы. Разумеется, есть взрослые, сохраняющие и углубляющую простую человечность детей. Один из ярких примеров – Этти Хиллесум. В своем «Дневнике» она пишет: «Бог мой, я благодарю тебя за то, что ты создал меня такой, какая я есть. Я благодарна за то, что иногда чувствую в себе такой простор, ибо простор этот есть не что иное, как наполненность тобою»⁷⁶.

⁷⁵ J. Montiel. *The Objective*. 2 de abril de 2020.

⁷⁶ Э. Хиллесум. Запись от 12 декабря 1941 г. // *Я никогда и нигде не умру. Дневник 1941–1943 гг.* Белгород: Клуб семейного досуга, 2016.

3. «Способность ощущать человека во всей его цельности»

Кто из нас каждый день переживает хотя бы мгновение подлинной нежности по отношению к самому себе, к своей человечности? Нередко мы относимся к себе плохо, гневно обрушиваясь на нашу человечность, которая не соблазняется ложью. Мы хотели бы убежать от нее, но в то же время нам не удастся уничтожить ее. Об этом прекрасно говорит Ницше словами странника из «Веселой науки»: «Пылкое желание истинного, действительного, немнимого, достоверного! Как я зол на него!»⁷⁷

Именно по этой причине меня всегда поражала одна фраза Иоанна Павла II: «Нежность есть способность ощущать человека во всей его цельности»⁷⁸. Такое «ощущение человека во всей его цельности» существенно важно для жизни и противоположно сентиментальности. Но «редко встретишь, – говорит отец Джуссани, – человека, исполненного нежности к себе!»⁷⁹

Если попробовать посчитать, сколько подобных людей мы знаем, и пальцев одной руки, пожалуй, окажется много. Сегодня гораздо чаще в людях перевешивает злоба, ярость, направленная на себя и на других, на реальность.

⁷⁷ Ср. Ф. Ницше. *Веселая наука* // Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3. М.: Культурная революция, 2014. С. 501.

⁷⁸ См. К. Войтыла. *Любовь и ответственность*. М.: Круг, 1993. Гл. «Личность и целомудрие».

⁷⁹ L. Giussani. *Un avvenimento di vita, cioè una storia*. Roma-Milano: Edit – Il Sabato, 1993. P. 457.

Тем не менее любой человек желает испытывать именно нежность по отношению к собственной человечности, как пишет Камю в «Калигуле»: «Все кажется таким сложным. А на самом деле все просто. Если бы я получил луну, если бы любви мне было довольно, все бы переменилось. Ты знаешь, Калигула, я мог бы быть нежным. Нежность! Но чем утолить мою жажду? Какое сердце... бездонно, как озеро, чтобы напоить меня? <...> Ни в этом мире, ни в ином нет ничего мне соразмерного. А ведь я знаю, и ты знаешь тоже... что мне нужно только одно: невозможное. Невозможное! Я искал его на границах мира, на краю своей души [все мы его ищем]. ...я протягиваю руки и натываюсь на тебя, передо мной всегда только ты, словно плевок мне в лицо. Ты в чудном и сладостном свете звезд... ты для меня как рана, которую я хотел бы содрать с себя ногтями»⁸⁰.

Не находя «чего-то», что позволило бы нам испытывать такую нежность к нашей жажде, к нашей человечности, мы в конечном итоге смотрим на них как на рану, которую хотим содрать с себя, а это прямо противоположно любви. Но почему мы хотим содрать ее? Чтобы не переживать драму, чтобы приглушить ее, насколько возможно, чтобы не считаться с несопоставимостью наших желаний и того, что нам удастся получить. Как говорит Камю: «Нет ничего мне соразмерного». Или как поет Гуччини об отношении с любимой: «Видишь ли, дорогая, сложно объяснить, / сложно понять, если ты еще не поняла... / Тебя много,

⁸⁰ Ср. А. Камю. *Калигула*. Действие 4, сцена 14. Пер. Ю. Гинзбург.

хотя тебя и недостаточно, / ...ты все, но и этого всего мало»⁸¹.

Так намечается альтернатива: нежность («способность ощущать человека во всей его цельности») или ненависть к собственной человечности («рана, которую хочется содрать с себя»). Как часто мы мучимся, потому что у нас не получается придержать, подавить нашу человечность: несмотря на все усилия, потраченные на то, чтобы заставить ее замолчать, она, когда мы меньше всего ожидаем, прорывается, заявляет о себе.

В «Мигеле Маньяре» Милоша замечательно описан этот опыт. Маньяра предается разврату, но не может заполнить бездну его человечности, его желания. «Я тащил за собой Любовь в удовольствиях, в грязи, в смерти... <...> Я вкушаю горечь травы, растущей на скале тоски. Я служил Венере сначала с неистовством, затем со злобой и отвращением. <...> Конечно, в юности я, совсем как вы, искал жалкую радость, эту беспокойную незнакомку, которая дает вам свою жизнь и не называет своего имени. Но очень скоро меня охватило желание найти то, что вы никогда не познаете: огромную любовь, таинственную и нежную. <...> О, как заполнить эту бездну жизни? Что делать? Ибо желание, как никогда сильное, как никогда безумное, всегда со мной. Оно словно бушующий океан огня, чье пламя достигает самых глубин черного вселенского небытия!»⁸² Желание остается, сохраня-

⁸¹ *Vedi cara*. Сл. и муз. Ф. Гуччини. 1970. © ЕМІ.

⁸² О. Милош. *Мигель Маньяра*. Сериате: Христианская Россия, 2000. С. 49–50.

ется, более сильное, чем когда-либо, несмотря ни на то. И это удивляет, как мы уже говорили. Оно не угасает: чем дальше человек живет, чем больше пытается удовлетворить, заглушить его, тем оно крепче.

Для святого Августина ничто несоизмеримо с глубиной человеческого сердца, бьющегося в каждом из нас: «Если бездна есть нечто глубокое, то не стоит ли считать бездной сердце человеческое? И правда, что глубже сей бездны? Люди говорят, их видно по движению их членов, их слышно, когда они беседуют. Но в чьи мысли нам дано проникнуть, в чье сердце дано заглянуть? Что человек совершает в самом себе, на что он способен, о чем помышляет, к чему устремлен, чего желает и чего нет, – кто это постигнет? А потому, полагаю, весьма справедливо под бездной понимать человека»⁸³.

Но в таком случае – повторим еще раз – что же вырывает нас из небытия, что способно заполнить бездну жизни, удовлетворить непреклонное желание, неудобное и возвышенное, «еще более неизмеримое, чем вселенная»⁸⁴, знак человечности внутри нас, обличающий наши несовершенные и недостаточные усилия?

⁸³ Cf. Sant'Agostino. *Esposizione sui Salmi*, 41,13.

⁸⁴ Ср. Дж. Леопарди. *Указ. соч.* С. 364.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«CARO CARDO SALUTIS»

«*Caro cardo salutis*». «Плоть есть средоточие спасения»⁸⁵. Фраза отца Церкви Тертуллиана может показаться загадочной, но ее смысл проясняется, стоит нам взглянуть на наш опыт: чему удалось (если когда-то это случилось) вырвать нас из небытия?

1. Присутствие во плоти

Одна молодая женщина в качестве личного вклада в развитие предложенной нами темы, написала мне письмо⁸⁶, в котором простым и ясным образом просматривается интересующий нас момент. Есть смысл привести его здесь. Уверен, хотя наш опыт и принимает разные формы, каждый без труда узнает себя в том, о чем она пишет.

«Спрашивая себя, что вырывает меня из небытия, я неизбежно думаю о всей моей истории, пережитой до сих пор. Две вещи запечатлелись в моей памяти и приходят мне в голову, когда я думаю о небытии. Первая – воспоминание из

⁸⁵ Tertulliano. *De carnis resurrectione*, 8, 3 : PL 2, 806.

⁸⁶ Речь о предложении написать о своем опыте в свете вопроса «Что вырывает нас из небытия?». См. здесь с. 3–4.

детства, огромная несоразмерность, которую я ощущала, глядя на звезды. Меня шокировала мысль о том, насколько я ничтожна в сравнении с громадностью вселенной. Порой ночью мне не удавалось заснуть, потому что моя жизнь казалась мне бессмысленным мгновением в течении времени. Как-то раз, возвращаясь с матерью домой после похода по магазинам (занятия, которое обычно мне безумно нравилось), я села в машину и ощутила бесконечную тоску (эта тоска никогда не оставляет меня). Я сказала матери: „Бывают дни, когда ничего особенного не случается, но я вдруг испытываю огромную тоску, сама не знаю почему“. Весь обратный путь мы провели в молчании, под звук включенного радио. Бесконечная тоска, за которой – ничто. Я узнала об „Обществе и освобождении“ (а с ним – и о христианстве), когда перешла в новую школу, основанную несколькими семьями из Движения. Пару лет спустя после болезни и смерти моего отца (мне тогда было семнадцать) я решила приступить к причастию и присоединиться к Движению. На первом курсе я познакомилась с одним священником. Заметив, что я переживаю болезненный период, он дал мне прочитать письмо, которое ты написал в связи с сексуальными скандалами (темой, никак не связанной с моей ситуацией). Оно вышло в газете *Repubblica* 4 апреля 2010 года под заголовком „Раненые, мы возвращаемся ко Христу“. В нем ты говорил о жажде справедливости, но твои слова могли касаться и моей жажды в целом. Ты утверждал, что жажда эта „не имеет границ“, „бездонна“, „ее нельзя утолить, настолько она бесконечна“. „Если

все действительно так, то самый животрепещущий вопрос, которого никто не в силах избежать, прост и в равной степени неотвратим: *Quid animo satis?* [Чего довольно душе?]" Почему вообще ты мог задать такой вопрос? Почему мог предположить, что что-то способно насытить, удовлетворить душу? Я сидела одна в своей комнате, читая и перечитывая твоё письмо, и вдруг расплакалась, подумав: „Неужели и правда возможно, чтобы эта боль, это желание вечности, эта рана были восполнены? Неужели есть в этом мире нечто способное утолить их?“ Впервые в жизни я подумала, что на мою жажду может существовать реальный, осязаемый, конкретный ответ. Все словно сошлось воедино: люди, с которыми я познакомилась в школе, столь отличный от всех остальных взгляд моих преподавателей, моменты в летних лагерях, когда мое сердце расширялось, а я про себя с трепетом думала, что всю жизнь ожидала услышать именно то, о чем слышала. Все было этим „Ты“, конкретным, соразмерным моей ране и моему желанию вечности: „Тем, благодаря Кому запредельное присутствует здесь и сейчас, Христом, воплощенной Тайной“. Эти годы стали историей привязанности к конкретной плоти, к конкретному „Ты“. За недели изоляции я начала понимать: Христос покорил меня, дав мне увидеть, испытать, что моя тоска не обречена на небытие».

Однако после встречи с этим присутствием во плоти, вырывающим из небытия, игра вовсе не заканчивается. Из-за многих событий в жизни, порой из-за нашей самонадеянности или нашей слабости, из-за трудностей, возникающих перед нами

и вводящих в заблуждение, можно сбиться с пути, оказаться вдали от встреченного присутствия, оставить его. Но и в таком случае вновь привлечь нас способна лишь плоть. Одна студентка написала мне недавно: «Год назад, обремененная грузом накопившихся проблем, я стала сторониться компании, которую когда-то признала существенно важной для моей жизни. Я больше не узнавала себя. Мой взгляд был погасшим, пустым, а сердце – настолько усталым, что мне даже хотелось исчезнуть. Я думала, что больше ничего нельзя поделать, что для меня не осталось никакой надежды. Думала, что никогда не оправлюсь. Но благодаря компании нескольких друзей, которые никогда не бросали меня в одиночестве и заботились обо мне и о моем сердце, я попробовала начать заново – как раз с лиц людей, желавших мне блага и смотревших на меня с нежностью, какую я в тот момент не в силах была испытывать по отношению к самой себе».

Насколько хорошо работает наш внутренний *детектор*! Когда на человека смотрят с нежностью, охватывающей все его «я», он тут же это замечает!

«Много раз, – продолжается письмо, – я спрашивала себя: если мне самой не удастся любить себя, как могут и почему это должны делать другие? Какое сердце должно быть у них? Что они видели? С чем встретились, чтобы так любить человека вроде меня? Я хотела понять и потому начала поиски ответа. Это был богатый год, напряженный, трудный, но прекрасный. Это был год, который – могу с уверенностью сказать – перевернул и наполнил мою жизнь. И причина не в том, что я стала лучше

или что исчезли мои внутренние боль и страхи, но в том, что я благодаря конкретным лицам испытала „непредставимое, невообразимое, до той поры неведомое соответствие сердцу“⁸⁷. Мне хотелось бы, чтобы все могли пережить красоту встречи и дружбы, какую пережила я. Прекрасно жить с уверенностью, что ты нашла для своего сердца великую компанию. Я хочу сохранить ее, я больше не могу потерять ее и следовать за собственными мыслями, потому что сейчас, как никогда, понимаю: только в этом месте принимают и любят все во мне, все мои слабости, страхи, всю мою боль и нужду; только здесь я могу смотреть всерьез на себя, ни на что не закрывая глаза, ничего не считая самоочевидным. Я признаю, что лишь в этой компании нашла друзей, любящих мое сердце. Для меня такая уверенность удивительна, ведь обычно она мне не свойственна».

Встречаясь со взглядом, исполненным настоящей нежности по отношению к нам, мы понимаем, что существует альтернатива ненависти и злобе, которые мы испытываем к самим себе.

Письмо продолжается: «Итак, что же вырывает меня из небытия? Что вырвало меня из небытия в те дни? Эта компания». Реальная, историческая компания из плоти и крови. Именно эта плоть и спасает жизнь. *Caro cardo salutis*: не наши мысли, не наши представления, не наши фантазии, не мнимое, а плотское, то есть – заключает девушка, написавшая письмо, – «конкретные лица,

⁸⁷ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Прочертить след в истории мира*. М.: Духовная библиотека, 2019. С. 17.

в которых я замечаю взгляд, выражающий любовь и нежность и напоминающий мне о Другом, о живом „Ты“, присутствующем здесь и сейчас, взгляд, вернувший меня к жизни».

«Плоть есть средоточие спасения». Плоть эта распознается по ее инаковости, как рассказывает в трогательной автобиографической книге «Дом взглядов» писатель Даниеле Менкарелли: «Напротив витражного окна в стиле либерти стоит молодая пара. Мать держит на руках ребенка, а отец играет с ним, показывает ему фонтан во внутреннем садике и одновременно корчит рожицы и высовывает язык, смешивая сына. Когда между нами остается не более метра, родители оборачиваются, а вместе с ними – и ребенок. Мой шаг замедляется, равно как и дыхание. Малышу года три; если не считать глаз, его лица не существует: на месте носа и рта – отверстия из красной плоти. Я упираюсь глазами в мрамор пола, иду мимо, уже больше не глядя на них. <...> Теряю время в надежде, что молодая пара и их безобразный сын ушли. Смех ребенка доносится раньше прочих звуков. Они по-прежнему там. Но теперь они не одни. Перед ними – монахиня, пожилая, согбенная, ее лицо касается страшного лица ребенка. „Ну разве ты у папы с мамой не красавчик?“ Она берет ручку и целует ее; он, вероятно, от щекотки, начинает смеяться. Монахине не меньше восьмидесяти лет, у нее полное лицо, белое, как молоко. „Да ты не просто красавчик, ты еще и душка, тебе, значит, нравится?“ И она вновь подносит ручку к своим губам, к подбородку на радость ребен-

ка. Потом монахиня выпрямляется, смотрит на отца и мать. „Слышите, какой у него смех? В нем не серебро, а золото, живое золото“. Она целует его, не обращая внимание на его лицо, на все это. Я ошеломлен, не нахожу объяснения, разгадки. Я увидел нечто человеческое и в то же время нездешнее, словно некий обряд родом из далеких краев, мне не удастся отыскать в себе инструменты, чтобы перевести его на мой язык. <...> ...я испробовал все возможные подходы, попытался списать увиденное на бред старой женщины, одетой в серое; потом – на фанатизм монахини, глухой и слепой к страданию, желавшей любой ценой утвердить превосходство своего Бога, даже перед уродством; потом – на игру талантливой актрисы, которая, вероятно, мгновение спустя помыла себе губы, поцеловавшие бесформенное лицо. Но ни одно из прочтений не в состоянии покрыть расстояние между тем, что я увидел, и моей логикой»⁸⁸.

Писатель попробовал объяснить, свести к уже известному, к предсказуемому, к понятному исключительность увиденной сцены, завладевшей его взглядом («нечто человеческое и в то же время нездешнее»), привлекая его и в некотором смысле приковавшей к себе. Как часто мы упрямо стараемся умалить до нашей меры инаковость, представляющую перед нами! «...до того человек пристрастен к системе и к отвлеченному выводу, что готов умышленно исказить правду, готов видом

⁸⁸ D. Mencarelli. *La casa degli sguardi*. Milano: Mondadori, 2020. P. 183–185.

не видать и слыхом не слышать, только чтоб оправдать свою логику»⁸⁹.

Что так притянуло Менкарелли? То же, что притянуло девушек, написавших процитированные письма: человеческая инаковость. Увидев бесформенное лицо ребенка, монахиня не отпрянула: напротив, она испытала по отношению к нему нежность, глубокую симпатию, головокружительную, плотскую, симпатию в высшем смысле слова, как вершину привязанности, столь бесконечно человеческую, что она, казалось, превосходила человеческое, была «нездешней», божественной.

Лишь плоть, присутствие во плоти способно вырвать нас из небытия; присутствие, которое никакие наши интерпретации не в состоянии устранить, так сильно оно притягивает нас, захватывает до самого нутра, влечет, пробуждая все наше желание в тот самый момент, когда последнее находит в этом присутствии невысказанное соответствие. Кто из нас не хотел бы, чтобы на него смотрели с такой же нежностью, какую ощутили наши подруги или с какой монахиня посмотрела на того ребенка?

Только столкновение с подобным взглядом, воплощенным в конкретном человеке, может заполнить «бездну жизни», о которой говорит Милош. Только плоть может победить небытие. Не любая плоть, не любое присутствие во плоти, а присутствие, несущее в себе то, что соответствует всему нашему ожиданию и потому способно привлечь наше существо. Действительно, бывает плоть,

⁸⁹ Ф. М. Достоевский. *Записки из подполья*. С. 125.

оставляющая горечь на устах, вырождающаяся в скуку жизни, исполненной одиночества, как происходило с Мигелем Маньярой до его встречи с Джироламой, которая внесла в его жизнь нечто новое. Де Любак пишет: «Ничто из созданного человеком или пребывающего в человеческом измерении не в состоянии избавить его от одиночества. Одиночество можно лишь углубить до того, что в нем человек откроет самого себя, ибо одиночество – обратная сторона общности, к которой он призван»⁹⁰.

2. Еврей Иисус из Назарета

В каком случае нигилизм в нас можно победить? Только если мы притянуты присутствием, плотью, которая несет с собой, в себе что-то соответствующее всему нашему ожиданию, всему нашему желанию, всей нашей потребности в смысле и в любви, в полноте и в уважении. Из небытия нас вырывает лишь та плоть, что способна заполнить «бездну жизни», исполнить наше «безумное желание» свершения, выражаясь словами Милоша.

Без переживания такого опыта нам не преодолеть нигилизм, хотя мы и приучены нашей культурой к религиозным речам и предпринимаем самые разнообразные усилия. Причина в том, что «аргументы в пользу истины», о которых говорил Бальтазар, и «дела» не в состоянии «захватить» нас, увлечь все наше «я», и рано или поздно

⁹⁰ А. де Любак. *Указ. соч.* С. 189.

(обычно раньше, а не позже) они становятся нам в тягость.

Взгляд, исполненный нежности по отношению к нашей человечности, вошел в мир две тысячи лет назад в плоти одного Человека, еврея Иисуса из Назарета. «В воплощении вечный Логос связал Себя с Иисусом таким образом, что... уже нельзя думать о Логосе вне Его связи с человеком Иисусом. <...> Любой, кто вступает в контакт с Логосом, прикасается к Иисусу из Назарета. <...> Он есть сам Логос, который в человеке Иисусе является историческим субъектом. Безусловно, Бог достигает человека множеством способов, и не только в таинствах. Но Он всегда достигает его через человека Иисуса – Его самопосредника в истории и нашего посредника в вечности»⁹¹.

Событие Воплощения есть водораздел человеческой истории, и никто не в силах вычеркнуть его из нее. Поэтому, утверждает Джуссани, «мы можем распознать присутствие воплощенного Слова во плоти; если Слово стало плотью, то точно так же именно *во плоти* мы его и находим»⁹². Кто его замечает, чувствует, что предстоит перед самым решающим событием своей жизни. Нам сразу ясно, когда так происходит. Обратимся к одному из наиболее значимых с этой точки зрения евангельских эпизодов, и попробуем уподобиться той женщине, которая пришла к Иисусу, с болью сознавая саму себя, свою нужду,

⁹¹ J. Ratzinger. *Cristo, la fede e la sfida delle culture // Asia News*. N. 141. 1994.

⁹² L. Giussani. *L'attrattiva Gesù*. Milano: Bur, 1999. P. 123. Ср. Догматическая конституция о Божественном Откровении *Dei Verbum*, 4.

ощущая горечь от собственного зла и неспособность обрести покой, не имея нежности к самой себе, порываясь, возможно, сбросить с себя свою человечность, желание, которое она столь неуклюже пыталась удовлетворить. И все же именно человечность, именно желание быть любимой, желание, чтобы на нее смотрели истинным образом, позволило ей уловить непредвиденное – присутствие Иисуса.

«Некто из фарисеев просил Его вкушать с ним пищи; и Он, войдя в дом фарисея, возлег. И вот, женщина того города, которая была грешница, узнав, что Он возлежит в доме фарисея, принесла алавастровый сосуд с миром и, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами и отирать волосами головы своей, и целовала ноги Его, и мазала миром. Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница. Обратившись к нему, Иисус сказал: Симон! Я имею нечто сказать тебе. Он говорит: скажи, Учитель. Иисус сказал: у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил обоим. Скажи же, который из них более возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил. Он сказал ему: правильно ты рассудил. И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? Я пришел в дом твой, и ты воды Мне на ноги не дал, а она слезами облила Мне ноги и волосами головы своей отерла; ты целования Мне не дал, а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги; ты головы Мне маслом не помазал, а она миром помазала Мне ноги.

А потому сказываю тебе: прощаются грехи ее многие за то, что она возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит»⁹³.

Здесь мы сталкиваемся с тем «неслыханным реализмом», о котором говорит Бенедикт XVI, когда утверждает, что «истинная новизна Нового Завета заключается не в новых идеях, но в самой личности Христа, дающего им Свою плоть и кровь»⁹⁴. Каждый из нас, я думаю, хотел бы, чтобы его достиг подобный взгляд, какие бы проступки он ни совершил, как бы он ни провел свою жизнь.

Что нужно было женщине, чтобы взгляд Христа «охватил» ее? Лишь ее человечность – без прикрас, израненная и полная недостатков, как, по сути, человечность каждого из нас. Когда она встретила того Человека, ее человечность, несмотря на ошибки, оказалась всецело притянута Им – настолько, что ее невозможно было остановить. Женщина преодолела враждебность и неодобрение окружающих и отправилась в дом к фарисею омыть слезами ноги Иисуса. Вживание в евангельские эпизоды – одна из самых прекрасных вещей, которым научил нас отец Джуссани. Действительно, часто мы читаем эти рассказы, считая их самоочевидными, лишая их фактического, исторического, жизненного содержания. Напротив, раз за разом возвращаясь к евангельским эпизодам, вживаясь в описанные в них события, Джуссани «показывал» нам, как Иисус обращался к раненой и полной недостатков человечности тех, с кем Он встречался. Ничто не останавливало Его.

⁹³ Лк. 7:36–47.

⁹⁴ Бенедикт XVI. Энциклика *Deus caritas est*, 12.

И ничто не останавливает Его сейчас. Именно эту нашу человечность, которая часто тяготит нас из-за того, что она нам не под душе, из-за многочисленных наших недостатков, – именно ее Христос проникает до самого нутра, именно к ней Он обращается, и без нее Ему никоим образом не удалось бы войти в твою и в мою жизнь, не за что было бы ухватиться. «Лишь Бог замечает глубокий уголок сознания, в котором человек, несмотря на его жизнь, на его грехи, по-настоящему человечен и сеет человечность. По существу искупление есть Христос, черпающий в человеке самое глубокое, то, что больше его греха»⁹⁵, – пишет Франсуа Варийон.

Взгляд Христа прочитывает нас изнутри, в глубинах нашего желания полноты. Об этом недавно напомнил папа Франциск: «Мы родились с семенем *беспокойства*. Богу был угоден такой беспокойный поиск полноты, беспокойный поиск Бога, причем порой мы и не знаем, что в нас есть это беспокойство. Наше сердце беспокойно, наше сердце испытывает жажду: жажду встречи с Богом. Оно ищет Его – часто на неверных путях, теряется, возвращается, ищет Его... С другой стороны, Бог испытывает жажду встречи, столь сильно, что Он послал Иисуса нам навстречу, навстречу этому беспокойству»⁹⁶.

Ни один человек никогда не ощущал, чтобы его утверждали так же радикально, как утверждает его взгляд, принесенный в историю этим Человеком,

⁹⁵ F. Varillon. *Traversate di un credente*. Milano: Jaca Book, 2008. P. 98.

⁹⁶ Франциск. *Проповедь на мессе в Доме святой Марфы*, 26 апреля 2020 г.

Иисусом из Назарета; ни одна женщина никогда не слышала, чтобы о ее чаде говорили с такой же искренней нежностью, с таким же заверением в абсолютной положительности его судьбы, независимо от любого мыслимого успеха или же неудачи. Этим головокружительно утвердительным взглядом Иисус говорит женщине, омывшей Его ноги слезами: «„Прощаются тебе грехи“. И возлежавшие с Ним начали говорить про себя [противясь новизне, ставшей для них вызовом]: кто это, что и грехи прощает? [Говоря так, они не изумляются, а отвергают Его, подразумевая, что Он богохульствует.] Он же сказал женщине [и никто не может поколебать Его отношение к ней]: вера твоя спасла тебя, иди с миром»⁹⁷. Этот взгляд уже не искоренить с лица земли, и потому то, что мы говорим о себе, то, что ты говоришь о себе, – больше не последнее слово.

Евангельскую грешницу из небытия вырвали не ее мысли, не ее намерения, не ее усилия, а Присутствие, полное столь пламенной любви, столь великого предпочтения по отношению к ней, к ее «я», что оно покорило ее. Встреча сотрясла и перевернула весь ход ее жизни: для нее уже не имели значения взгляды окружающих, ведь всю ее определял Иисус, Его взгляд, Его присутствие в плоти и крови. Никто за всю жизнь не посмотрел на нее, как тот Человек, а иначе она не вошла бы в дом фарисея, не омыла бы Иисусовы ноги слезами, не отерла бы их волосами. Какой опыт должна была пережить эта женщина, какую уверенность обрести, чтобы бросить такой вызов фарисеям,

⁹⁷ Лк. 7:48–50.

сидевшим за столом, и всему городу! Без подобной уверенности в конце концов оказываешься в плену у мнений – собственных и других людей. Однако Его взгляд, который никакая власть в мире не в силах истребить, преодолевает все наши и чужие мысли: они не исчезают, но уже больше не способны нас остановить.

Можно сказать вслед за Бальтазаром, что речь об «уверенности, которая основывается не на очевидности, воспринятой человеческим умом, а на провозглашенной очевидности божественной истины: не на познании, а на том, что мы познаны». Это, настаивает швейцарский богослов, «вопрос жизни и смерти современного христианства». Вера «может быть убедительной для окружающего мира лишь в том случае, если сама будет осознавать свою убедительность, то есть когда вера будет... не только, и не в первую очередь, „принятием на веру отдельных формул“, которые непостижимы для человеческого разума и должны приниматься из послушания авторитетам, а тем, что при всей трансцендентности божественного откровения и как раз благодаря ей ведет человека к познанию того, кто есть Бог на самом деле, и потому (как бы мимоходом) также и к пониманию самого себя»⁹⁸.

Уверенность и вера той женщины основывались «на провозглашенной очевидности божественной истины», явленной в несравненном взгляде Иисуса, Который, как она чувствовала, утверждал и знал ее всесторонне, а также на неведомом прежде опыте

⁹⁸ Г. У. фон Бальтазар. *Слава Господа. Богословская эстетика.* Т. I. С. 114, 119–120.

соответствия ее основополагающим потребностям. Столь сильна эта очевидность истины и столь лучезарно это «откровение славы [что оно, – настаивает Бальтазар] не нуждается в ином оправдании, как только в оправдании перед самим собой»⁹⁹. Такое же осознание решающей роли этой очевидности для убедительности веры сегодня с самого начала было присуще и воспитательному методу Джуссани: «Я глубоко убедился в том, что вера, которая не может быть обнаружена и обретена в опыте настоящего и подтверждена им, которая не приносит пользы в ответе на насущные потребности, – такая вера не в силах устоять в мире, где все, все противоречило и противоречит ей»¹⁰⁰.

3. Событие

В Иисусе из Назарета Бог стал одним из нас. «Слово стало плотью»¹⁰¹. Однако, чтобы понять, о чем мы говорим, нужно непременно вернуться к началу и внимательно взглянуть в произошедшее. Тот факт, что мы «уже знаем», часто искажает понимание. «Перенесемся в тогдашние времена. Никто не знал об Иисусе Христе, это имя еще не стало общеизвестным: все видели человека», который ходил по дорогам, с которым можно было встретиться, поговорить. Иисус был присутствием,

⁹⁹ Там же. С. 120. Cf. DS 3008.

¹⁰⁰ Ср. Л. Джуссани. *Рискованное дело воспитания*. М.: Христианская Россия, 1997. С. 24–25.

¹⁰¹ *Ин.* 1:14.

современным жизни Петра, Закхея, Магдалины. «Люди слышали того Человека, и у них возникало новое предчувствие жизни; они даже не говорили себе об этом, они это чувствовали». «Был вечер, когда для Петра, для Закхея или для Магдалины что-то произошло... что было и стало всей их жизнью»: они столкнулись с тем Человеком и Он привлек их, притянул, как магнитом. Это событие стало решающим для них. Действительно, в том Человеке, «вечное, существенное, бытие, смысл, стоящее, Тот, ради Кого сотворен разум, ради Кого сотворено сознание, ради Кого сотворено „я“, наконец-то являет себя в настоящем. Существенное, постоянное, всецелое – это Человек!»¹⁰²

А как происходит для нас, живущих две тысячи лет спустя? Точно таким же образом. Джуссани, выступая перед студентами, утверждал: «Возможно, нас сюда привело кратчайшее, едва различимое мгновение, в которое мы ощутили обещание на всю жизнь, не имея ясности самосознания или ясного суждения. Но есть в вашей жизни день, когда случилась встреча, заключавшая в себе весь смысл, всю ценность, все желанное, все справедливое, все прекрасное и все достойное любви. Ибо это и есть Бог, ставший человеком. И Бог, ставший человеком, достигает тебя с помощью рук, глаз, уст, физической человеческой действительности»¹⁰³. Что это за действительность? Действительность компании верующих в Него людей, Его таинственное Тело. Человек, сказавший: «Я есмь

¹⁰² L. Giussani. *Qui e ora (1984–1985)*. Milano: Bur, 2009. P. 425–427.

¹⁰³ *Ibidem*. P. 426.

путь и истина и жизнь»,¹⁰⁴ – воскрес, то есть современен истории. «Я с вами во все дни до скончания века»¹⁰⁵. Где мы видим Его? Где слышим? Его присутствие здесь и сейчас совпадает с видимым, осязаемым конкретным явлением, представленным людьми, которых достигла Его инициатива и которые признали Его. Это реальность Церкви. «Постоянное присутствие Христа рядом с человеком каждой эпохи осуществляется в Его Теле, которым является Церковь»¹⁰⁶.

«Уже когда Иисус совершал Свое земное служение, Он был событием, которое представало не только в Его физическом облике, но и принимало облик присутствия тех, кто верил в Него, – до такой степени, что Он посылал их провозглашать Его слово, Его весть, повторять Его чудесные деяния, то есть нести спасение, заключенное в *Его личности*»¹⁰⁷.

Присутствие Христа современно нам. Чтобы это заметить, нужен тот же опыт, что и две тысячи лет назад (о чем свидетельствуют приведенные выше письма и отрывок из книги Менкарелли), – столкновение с инаковым человеческим присутствием, пробуждающим новое предчувствие жизни и поражающим нас тем, насколько оно, как ничто другое, соответствует нашей врожденной жажде смысла и полноты. Сегодня тоже нужна, как я уже цитировал, встреча, заключающая в себе «весь смысл, всю ценность, все желанное, все справедли-

¹⁰⁴ *Ин.* 14:6.

¹⁰⁵ *Мф.* 28:20.

¹⁰⁶ Иоанн Павел II. Энциклика *Veritatis Splendor*, 25.

¹⁰⁷ Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 26–27.

вое, все прекрасное и все достойное любви». Именно таким образом Его присутствие охватило нас сейчас: мы столкнулись с «инаковостью, которая притягивает, поскольку соответствует сердцу, а значит, подвергается проверке и суждению со стороны разума и пробуждает свободу с ее способностью к привязанности»¹⁰⁸.

Чтобы охарактеризовать присутствие такой инаковой человечности, Джуссани использует слово «исключительное». Под ним он подразумевает не превосходство личных достижений, не странность и не эксцентричность, а именно соответствие, о котором уже было сказано. Что-то можно назвать исключительным, когда оно должным образом соответствует исконным ожиданиям сердца, даже если человек ясно их и не осознает. Но почему «соответствующее» нужно называть исключительным? Потому что соответствие нашим исходным потребностям, которое должно бы быть в норме вещей, обычно не наступает. Сегодня нам это понятнее, чем когда-либо: у нас есть все, нам все доступно, во всех смыслах, гораздо больше, чем раньше, несравнимо больше, и плане отношений, и в плане вещей и опыта, но ничто из перечисленного не в состоянии захватить нас целиком и полностью, не позволяет нам испытать соответствие, которого жаждет наше сердце. Поэтому, когда в какой-то встрече соответствие вдруг возникает, она становится чем-то исключительным. Присутствие, лицо, благодаря которому мы испытываем соответствие, отличается от всех

¹⁰⁸ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 34–35.

остальных именно этим. И мы говорим: «Это нечто исключительное!»

Итак, только современность Христа может вырвать нас из небытия. Только Его присутствие здесь и сейчас может дать подобающий ответ нигилизму, отсутствию смысла: присутствие, понимаемое не в спиритуалистическом ключе, не как отвлеченный «идеал», а как плотское, историческое явление. Христос – не идея, не мысль, а реальное событие, врывающееся в мою жизнь: я встречаю «что-то, в чем что-то есть»¹⁰⁹, и оно притягивает, как магнитом, все мое существо. «Иисус Христос, Человек, живший две тысячи назад, таится, являя Свое присутствие, под покровом, под видом инаковой человечности»¹¹⁰.

Об этом живо свидетельствует еще одно письмо: «Вот уж не думал, что на пороге пятидесятилетия можно родиться заново. Я прожил сорок семь лет с убеждением, что Иисус Христос – не „что-то“ обязательное для меня. Все эти годы я преследовал цели, не выдерживавшие натиска времени: университет, профессию, семью. Всякий раз, осуществив задуманное, я не испытывал удовлетворения и отправлялся на поиски новых целей. И хотя многим моя жизнь казалась прекрасной, у меня складывалось ощущение, будто я подпитывал себя тем, что не насыщало. Все это довело меня до глубокого внутреннего кризиса.

¹⁰⁹ L. Giussani. *Il cammino al vero è un'esperienza*. Milano: Rizzoli, 2006. P. 142.

¹¹⁰ L. Giussani. *Qualcosa che viene prima // Dalla fede il metodo*. Milano: Cooperativa Editoriale Nuovo Mondo, 1994. P. 39.

Я чувствовал себя бесполезным, а отношения с друзьями, коллегами и близкими усложнялись. Мне хотелось быть в одиночестве. Однажды через школу, в которой учатся мои дети, я познакомился с человеком, чьи глаза сияли. Он тоже переживал непростой момент, связанный с проблемами на работе, но я видел, что он спокоен, уверен в себе, одним словом – радостен. Я не знал, благодаря чему он такой, не знал, что он из „Общениа и освобождения“. Между нами зародилась крепкая дружба, я желал быть в компании того человека. Мы с семьями вместе поехали в отпуск, и мое любопытство в его отношении все росло. Я начал встречаться с его друзьями, которые со временем стали и моими друзьями, участвовать в том, что предлагало Движение. Я вновь начал молиться, ходить на мессу, приступать к исповеди. Порой я спрашивал себя: «Почему ты это делаешь?» – и отвечал: «Потому что чувствую себя лучше». Сегодня меня все еще удивляет эта дружба, чьи истоки – в любви к Иисусу Христу. Раньше у меня были только друзья, с которыми нас связывала работа, или увлечение одним и тем же видом спорта, или личная выгода. Эти три года изменили меня, сделали лучше. Люди, знающие меня много лет (давние друзья, родные, коллеги), заметили во мне нечто новое. Возможно, это не тот же свет, что сияет в глазах моего друга, но, думаю, эпизодически некий проблеск появляется и в моем взгляде. Я хочу теснее общаться с этим друзьями, чтобы, как говорил отец Джуссани, мы „напоминали друг другу: Христос есть всё“, чтобы признавали „Того, Кто среди нас“

и „помогали друг другу жить таким сознанием, призывая к нему до тех пор, пока оно не станет привычным¹¹¹».

Вот метод, посредством которого передавалась и всегда сможет передаваться вера: неподвижная встреча, пробуждающая желание и подталкивающая человека проверять обещание, заключенное в ней, через участие в жизни христианской общины. «Древняя Церковь по окончании апостольских времен вела как Церковь относительно узкую миссионерскую деятельность, у нее не было никаких стратегий по возвещению веры язычникам и... несмотря на это, ее время стало периодом грандиозного миссионерского успеха. Обращение античного мира в христианство было не результатом запланированных действий, а плодом испытания веры в мире, где она видимым образом проявлялась в жизни христиан и общины Церкви. Миссионерская сила древней Церкви, с человеческой точки зрения, была реальным приглашением от опыта опыту, и ничего другого. Община церковной жизни приглашала к участию в этой жизни, в коей открывалась истина, от которой эта жизнь рождалась. <...> Лишь переплетение последовательной истины и подтверждение этой истины в жизни позволяет сиять очевидности веры, ожидаемой человеческим сердцем; лишь через эту дверь Дух Святой входит в мир»¹¹².

¹¹¹ L. Giussani. *L'opera del movimento. La Fraternità di Comunione e Liberazione*. Cinisello Balsamo (MI): San Paolo, 2011. P. 216.

¹¹² J. Ratzinger. *Guardare Cristo*. Milano: Jaca Book, 1989. P. 31.

Нигилизм и конкретность плоти – вот термины, определяющие наше сегодняшнее положение, да и не только сегодняшнее, а извечное, ведь нигилизм, о котором мы говорим, не временное явление, а возможность, всегда открытая для человеческого духа, даже если в другие эпохи для его обозначения использовались другие слова. Нигилизму, то есть пронизывающему и вечно искушающему нас небытию, нельзя дать отпор простыми речами, правилами, переключением внимания, поскольку ничто из перечисленного не способно притянуть нас, по-настоящему покорить нашу человечность. Поэтому-то папа Франциск так подчеркивает опасность свести христианство к гностицизму или пелагианству¹¹³. Ответом на нигилизм, на отсутствие смысла может быть только плоть, воплощенный взгляд восьмидесятилетней монахини или друга: сегодня, как и вчера. «Только Христос принимает к сердцу все в моей человечности»¹¹⁴. Либо я сейчас переживаю опыт присутствия, для которого важна вся моя человечность, либо в конечном итоге нет никакого выхода, поскольку ни слова, ни этика, ни доступные нам отвлекающие маневры не в состоянии произвести ту полноту, какой я жажду в глубине души.

Без такого опыта «охваченности» нашего «я» нет христианства, нет христианства как события, то есть христианства в его подлинном виде, а значит, нет и возможности для изменения восприятия людей и вещей и отношения к ним,

¹¹³ См. Франциск. Апостольское обращение *Evangelii gaudium*, 94.

¹¹⁴ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 5.

нет метанойи и настоящей любви. «Чтобы Его узнали, Бог вошел в человеческую жизнь как человек, под видом человека, так что мысль, воображение и чувство человека были Им как бы „окованы“, притянуты, словно магнитом. Христианское событие имеет форму „встречи“: человеческой встречи в обычной, повседневной реальности»¹¹⁵. Нет ничего более вразумительного, более доступного для понимания, чем событие, имеющее форму встречи. И потому ясно, по какой причине папа Франциск часто вспоминает фразу из энциклики *Deus caritas est*: «Я не устану повторять слова Бенедикта XVI, направляющие нас к сути Евангелия: „У истоков христианского бытия лежит не какое-то этическое решение либо великая идея – скорее, это встреча с неким событием, с Личностью, которая, открывая жизни новый горизонт, тем самым указывает ей решающее направление“»¹¹⁶. Таков метод Бога, таков метод, избранный Богом, чтобы вырвать человека – меня, тебя, каждого из нас – из небытия, из невозможности достичь свершения, из подозрения, что удел всего – ничто, из меланхоличного разочарования в самих себе, из безропотного подчинения своей участи и из отчаяния, в которые мы легко впадаем. «Все в нашей жизни – сегодня, как и во времена Иисуса – начинается со встречи»¹¹⁷.

¹¹⁵ Ср. Там же. С. 33.

¹¹⁶ Франциск. *Evangelii gaudium*, 7.

¹¹⁷ Франциск. Обращение к движению «Общение и освобождение». Площадь Святого Петра, 7 марта 2015 г.

Бог воплотился и обитает среди нас – вот что такое христианство. Оно в первую очередь не доктрина и не мораль, а Он, присутствующий здесь и сейчас. Все остальное (доктрина, мораль) возникает потом. «То, чем сотворены все вещи [иначе говоря, Бог, начало, судьба, смысл жизни] отождествило себя с ненадежной плотью, отождествляет себя [до сих пор] с ненадежной плотью, делается слышимым и осязаемым посредством ненадежной плоти»¹¹⁸ – плоти людей вроде тебя и меня, плоти слабой, полной недостатков, но достигнутой Им и измененной. Если христианство привлекло нас, если мы привязались к определенной реальности, то потому, что увидели людей, иначе относящихся к повседневным вещам, с радостью и умиротворением (даже в страдании и трудностях), каких мы пожелали и для себя, с безвозмездностью и положительным взглядом (даже перед лицом самых сложных и противоречивых обстоятельств), каким мы „позавидовали“. Это были люди «взятые в удел», измененные христианским событием, имевшим и для них форму встречи, свидетели новизны жизни, которая приводит в волнение их окружение. Истоки подобного волнения хорошо описаны словами амвросианской литургии: «Соделаю явным Мое присутствие в радости их сердца»¹¹⁹.

¹¹⁸ L. Giussani. *La verità nasce dalla carne*. Milano: Bur, 2019. P. 115.

¹¹⁹ «*Populus Sion, ecce Dominus veniet ad salvandas gentes: et auditam faciet Dominus gloriam laudis suae in laetitia cordis vestri*» (Молитва IV Воскресенья Адвента в литургии амвросианского обряда. См. *Messale ambrosiano. Dall'Avvento al Sabato Santo*. Milano 1942. P. 78).

Таким образом, замечает Джуссани, если в Иисусе Бог воплотился, то, «чтобы понять Иисуса, нужно пребывать во плоти. Иисуса понимаешь благодаря опыту. Если Бог – Тайна – воплотился, родился из чрева женщины, ничего невозможно понять об этой Тайне, если не исходить из материального опыта. Если Он, чтобы Его поняли, стал плотью, нужно исходить из плоти». И еще: «Если отбросить плоть, разрушается парадокс, а такая вера уже больше никому не интересна»¹²⁰, она превращается в слова, становится умозрением, этикой, инструкцией по использованию, и уже больше не притягивает нас. Лишь человеческий опыт позволяет нам открывать присутствие Христа, понимать, что собой представляет твое отношение с Ним.

4. Чтобы уловить истину, достаточно искреннего внимания

Заметить современное нам присутствие Христа просто: люди, притягивающие нас, позволяющие нам пережить уже упомянутый опыт соответствия, встречаются редко. И потому заметить их просто: просто было Петру, Закхею, самарянке, Магдалине. Просто, но не самоочевидно, что подтверждалось даже в отношении с Иисусом. Вспомним о возмущении и о последующем отторжении, возникшем у тех, кто видел, как Он отправился в дом Закхея.

¹²⁰ L. Giussani. *Si può (veramente?!) vivere così?* Milano: Bur, 2011. P. 481, 207.

Чем должны были обладать Петр, Закхей, самарянка, Магдалина и другие люди, встретившие Его, чтобы уловить Его новизну, Его инаковость, Его уникальность? Искренним вниманием, распахнутым взглядом. Действительно, «конечная истина – как прекрасная находка на пути: ты видишь ее и узнаешь, если внимателен. Следовательно, проблема в таком внимании»¹²¹. Оно доступно всем, и это освобождающая мысль, поскольку она отменяет общее возражение, за которым кроется невключенность в реальность жизни: «Я не способен, недостаточно умен, мне не хватает знаний». Чтобы заметить истину, достаточно быть внимательным.

Конечно, быть внимательным вовсе не просто, как пишет Симона Вейль: «Есть в нашей душе что-то, чему подлинное внимание претит гораздо сильнее, нежели труд противен плоти. <...> Внимание состоит в том, чтобы приостановить собственную мысль, оставить ее открытой, пустой, проницаемой для объекта»¹²². Но, чтобы оставить собственную мысль проницаемой для объекта, чтобы не замкнуться в своей мере, чтобы «распахнуться перед совокупностью рассматриваемых факторов»¹²³, нужен проблеск любви к самим себе, интереса к судь-

¹²¹ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 39.

¹²² S. Weil. *Attesa di Dio*. Milano: Rusconi, 1972. P. 75–76.

¹²³ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 146. Автор замечает: «Основополагающая задача на человеческом пути заключается в том, чтобы приучить свободу быть внимательной, то есть распахнуться перед совокупностью рассматриваемых факторов, приучить себя принимать, сознательно обнимать то, что предстает твоим глазам».

бе собственной жизни. Именно этот проблеск, даже если он запрятан в глубине души, позволяет нам согласиться быть любимыми, «реагировать» на присутствие, утверждающее наше существование, и уделять ему внимание.

Петр, Закхей, самарянка, Магдалина не заглушили свою человечность: в их взгляде была жажда, беспокойное и даже болезненное ожидание, которые присутствие того Человека спровоцировало, заставило вновь зазвучать, обняв их, отозвавшись на них.

Безусловно, их распахнутый взгляд был вдохновлен исключительным присутствием Иисуса, но им пришлось пойти за этим вдохновением, побуждением. Ничто для них не случилось как по волшебству или машинально (то, что случается таким образом, остается чуждым человеку).

Итак, чтобы заметить присутствие людей, несущих в себе новизну жизни, чтобы уловить его, требуется внимание, нужно, чтобы разум был к чему-то привязан, нужна живая человечность. Внимание, открытость разума невозможны без трепета привязанности, без интереса. Внимательный взгляд – это всегда заинтересованный взгляд. «Если определенное явление меня не интересует, я на него и не смотрю, а если я на него не смотрю, то не могу и познать. Чтобы познать его, мне необходимо обратить на него внимание. Внимание на латыни означает „стремиться к“. Если явление меня интересует, поражает, то я устремляюсь к нему»¹²⁴.

¹²⁴ Там же. С. 34.

5. Признание, называемое верой

Такое внимание есть, следовательно, начало признания природы того, что стоит перед нами. Действительно, когда ты замечаешь инаковое человеческое присутствие (в тот момент и в том месте, где встречаешься с ним), сложно подавить вопрос о природе того, что открывается твоему взгляду. Оказавшись в присутствии Иисуса, люди, слышавшие Его слова и видевшие Его деяния, задавались вопросом: «Кто Сей?» Станный вопрос. Он возникал при виде Его неоспоримой инаковости. «Им известно, откуда Он, они знают Его мать, Его родных, знают о Нем все, но власть, которую являет тот Человек, столь огромна, личность Его столь велика и столь инакова, что и вопрос обретает иной смысл: „Да кто же Он такой?“»¹²⁵

Тот же вопрос рождается и у нас сегодня в присутствии людей, с которыми мы столкнулись, познакомились, пообщались, которые стали нашими друзьями: «Кто ты, почему ты такой?» Вопрос возникает из-за исключительности их присутствия, исключительности, становящейся очевидной в нашем опыте. Именно так и передается христианство – сегодня, как и тогда. Об этом хорошо сказано в письме нашего пятидесятилетнего друга. Появление такого вопроса симптоматично для той же «непомерной проблемы», что встала перед людьми, взаимодействовавшими с Иисусом. Папа Франциск замечает: «Свидете-

¹²⁵ *Cristo la compagnia di Dio all'uomo*. Пасхальный плакат, 1982. «Общение и освобождение».

тельство вызывает восхищение, восхищение вызывает вопросы у того, кто видит свидетельство. Люди спрашивают себя: почему этот человек такой? Откуда у него дар надежды, дар милосердного отношения к другим?»¹²⁶

Все ли смотрят на тебя одинаково нежно? Все ли смотрят на тебя одинаково безвозмездно? Все ли смотрят на тебя с одинаковой пламенной любовью к твоей судьбе? Неужели нет разницы? Поэтому-то, оказавшись перед несравненной инаковостью, как писатель Менкарелли перед монахиней, ты не можешь не задаться вопросом: «Кто это?» Отсюда, с этого изумленного столкновения, пробуждающего в тебе неустрашимый вопрос, начинается путь познания, путь признания, называемый верой.

Посмотрим, как он разворачивался для первых людей, встретивших Иисуса. Попробуем вжиться в один из многочисленных евангельских эпизодов, чтобы увидеть познавательную динамику, описанную в них и сравнить ее с нашей. Иисус с учениками идет в селения Кесарии Филипповой. По дороге Он вдруг останавливается и спрашивает: «За кого люди почитают Меня?» Застигнутые врасплох, ученики пытаются ответить: «Одни за Иоанна Крестителя, другие же Илию, а иные за Иеремию, или одного из пророков». И тут вопрос становится прямым и личным: «А вы за кого почитаете Меня?» Первым отвечает Петр, привыкший реагировать импульсивно: «Ты Христос, Сын Бога

¹²⁶ Francesco. *Senza di Lui non possiamo far nulla*. Città del Vaticano: LEV, 2019. P. 37.

живого»¹²⁷. Как мог он произнести такие слова? Петр выражает не свои мысли, не что-то, до чего он дошел сам силой своего разума, он повторяет услышанное от Иисуса. Это не его слова, не его умозаключения. Так почему же он их повторяет? Что делает совершенно разумным такое повторение, даже если он до конца не понимает смысл слов? Уверенность, которой Петр достиг в отношении того Человека, опыт, который он пережил с Ним и благодаря которому ему стало очевидно: «Если я не могу доверять этому Человеку, я не могу доверять и самому себе!»

6. Свобода и доверие

Почему Петр был в состоянии, должен был довериться Иисусу («если мы не верим этому Человеку, то не можем верить и собственным глазам»)? Прежде всего следует подчеркнуть: чем внимательней мы к жизни другого, тем проще нам достичь уверенности в нем. Кому удалось понять, что Иисусу нужно доверять? Людям, которые последовали за Ним и с Ним оставались, а не толпе, ходившей за ним ради исцеления, но не погружавшейся в жизненно важное отношение с Ним. Лишь в совместной жизни, в ее разделении друг с другом умножаются знаки, требующиеся для достижения уверенности в другом человеке, так что в конце концов ты можешь вполне разумно сказать: «Ему я могу доверять».

¹²⁷ Ср. Мф. 16:13–19.

Однако для понимания знаков, их истолкования требуется свобода. Знаки не «навязывают» заключения, хотя и ведут к ним. «Свобода оказывается на кону в той части игры, которая называется знаком. <...> Знак есть событие, подлежащее *истолкованию*»¹²⁸. И поэтому разные люди по-разному истолковывали личность Иисуса. Перед лицом знаков проявляется человеческая свобода¹²⁹.

У многих наличие свободы вызывает возражения, ее воспринимают как нечто отягощающее жизнь или ослабляющее истинность заключений, до которых они дошли.

Пытаясь объяснить одному моему молодому другу, что мы не только не можем обойтись без свободы, но она представляет для нас благо, я приводил такой пример. «Представь, – сказал я ему, – что ты встречался с твоей девушкой несколько лет и, увидев множество знаков того, как вы друг другу подходите, наконец решился спросить у нее напрямую: „Ты выйдешь за меня?“ Волновался бы ты, произнося эти слова?» Он ответил: «Думаю, еще как!» Я продолжил: «Почему же, ведь для тебя все уже было бы ясно?» Он не раздумывал: «Потому что она может сказать нет». – «Значит, ты волновался бы, поскольку тебе не известно, достаточно ли всех этих знаков твоей девушке, чтобы сказать да; ты подвергаешься „ее“ интерпретации знаков, то есть ее свободе. Правильно?» – «Да», – подтвердил он. Тогда я спросил: «Ты предпочел бы, чтобы все произошло машинально, на авто-

¹²⁸ Ср. Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. С. 142.

¹²⁹ *Sulla libertà nell'atto di fede*. Cf. DS 3035.

мате, без риска, который представляет ее свобода, или тебе больше по душе (пусть тут для тебя и есть риск), чтобы твоя девушка сказала тебе да свободно?» И он: «Без всякого сомнения, лучше, чтобы она ответила свободно». Я добавил: «Неужели ты думаешь, у Бога вкус хуже, чем у тебя? Бог тоже предпочитает, чтобы Ему говорили да свободно». Об этом недавно напомнил папа Франциск: «Как действует Иисус? <...> Уважительно, Он уважает наше положение и не забегает вперед. <...> Господь не ускоряет темп, Он всегда идет с нашей скоростью... ждет, чтобы мы сделали первый шаг»¹³⁰. Это не означает, что Он не дает нам знаки, все знаки, необходимые нам, но мы сохраняем перед ними нашу свободу. Бог сотворил нас свободными и в каком-то смысле подчинился решениям нашей свободы, потому как «да», произнесенное человеком свободно, несравнимо с молчаливым согласием, в котором свобода сознательно не участвовала. В конце разговора я сказал моему другу: «Если „да“ твоей девушки не будет плодом ее свободы, оно не принесет тебе никакой радости».

Как же важно осознать, что наша свобода – это не осложнение, а дар!

Итак, свобода задействована в истолковании знаков, позволяющем нам достичь совершенно разумной уверенности в том, что я могу доверять другому. Именно в силу этого доверия Петр произнес как свои собственные слова, услышанные от Иисуса. Вера не бросок в пропасть, не ничем необоснован-

¹³⁰ Франциск. *Проповедь на мессе в Доме святой Марфы*, 26 апреля 2020 г.

ный акт. «Верить – значит признавать истинность того, что историческое Присутствие говорит о себе. ...[Тот] Человек сказал о себе нечто такое, что другие приняли как истину и что сейчас, благодаря исключительному способу, каким тот Факт достигает меня, принимаю и я. Иисус – Человек, сказавший: „Я есмь путь и истина и жизнь“. <...> Быть внимательным к деяниям и словам этого Человека, чтобы в конце концов сказать: „Ему я верю“, – прилепиться к Его присутствию, утверждая истинность того, о чем Он говорил, – вот что такое вера. Вера есть акт разума, подвинутого исключительным Присутствием, побуждающим человека сказать: „Он говорит правду, не лжет, я принимаю Его слова“»¹³¹. Согласно Катехизису, «вера... имеет две точки опоры: личность и истину; мы видим истину потому, что верим тому, кто о ней свидетельствует»¹³².

Верить – значит признавать «нечто», присутствие божественного в человеческом, которое наш разум не в состоянии уловить, нечто, чему разум сам по себе не мог бы дать определение. Вместе с тем, такое признание в высшей степени разумно и объясняет то, что находится передо мной, опыт, который я переживаю. Как говорит Бальтазар, вера и опыт исполнения обетований сводятся воедино¹³³.

«Иметь достаточно искренности, чтобы признать такое Присутствие, достаточно простоты, чтобы его принять, и достаточно любви, чтобы пойти за

¹³¹ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 31–32.

¹³² *Катехизис Католической Церкви*, 177.

¹³³ См. Г. Урс фон Бальтазар. *Слава Господа. Богословская эстетика*. Т. 1. С. 113.

ним, – это и есть вера. Искренность и простота – схожие слова. Быть „простыми“ – значит смотреть вещам в лицо, не привнося посторонние, заимствованные извне факторы. <...> ...нужно смотреть на факт, на событие в простоте; иначе говоря, нужно смотреть на событие в силу того, что оно само говорит, сообщает разуму и сердцу, не примешивая к его оценке посторонние факторы, не имеющие к нему отношения»¹³⁴. Можно сказать и так: быть простыми – значит подчинять разум опыту, не привнося ничего со стороны. В нашей памяти навсегда запечатлелось то, как говорил об этом Джуссани перед папой на площади Святого Петра в 1998 году: «Именно простота сердца позволяла мне ощущать и признавать исключительность Христа с той уверенной незамедлительностью, какая бывает перед неоспоримой и несокрушимой очевидностью фактов и моментов действительности, которые, возникая в поле зрения нашей личности, поражают в самое сердце»¹³⁵.

¹³⁴ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 38–39.

¹³⁵ Ср. *Там же.* С. 5.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПУТЬ ДЛИНОЙ В ЦЕЛЮЮ ЖИЗНЬ

Когда встреча произошла, когда мы испытали, что нас, словно магнитом, притянуло, «оковало» присутствие инаковой человечности, в которой мы распознали – каждый в свои сроки и согласно своей истории – присутствие Христа здесь и сейчас, поскольку начали замечать его плоды в нашей жизни, нам может показаться, будто цель достигнута и больше никуда не идти не надо.

Мы должны смириться с тем фактом, что это не так. Встреча, постоянно обновляющаяся и вновь происходящая, неизменно открывает перед нами дорогу, и нельзя перестать следовать по ней. «Эта в некотором смысле ворвавшаяся „данность“ становится отправной точкой *пути*... То, что было дано, становится отправной точкой поиска, усердной работы, ни в коей мере не устремленной к обладанию, а скорее представляющей собой труд желания, которое никогда не прекратит учиться»¹³⁶.

¹³⁶ M. De Certeau. *Mai senza l'altro*. Magnano (Bi): Qiqajon – Comunità di Bose, 1993. P. 26–27.

1. Необходимость пути

Как только мы останавливаемся, думая, будто уже обладаем тем, что нам дано, в наши дни вторгаются тяжесть и черствость и в наших руках оказываются не цветы, а засохшая трава. Мы снова видим, как небытие проникает в ткань нашего времени. Нас это удивляет и приводит в разочарование. В чем причина очерствения? В такие моменты нам, как никогда, близки слова Этти Хиллесум: «Мое сердце было словно засорено, через него ничего не текло, все каналы были забиты илом, а мозг зажат в жестких тисках»¹³⁷.

Что с нами происходит? Ратцингер объясняет это, говоря о святом Августине: «Обратившись в саду близ Кассициака, Августин воспринимал обращение в рамках схемы его досточтимого учителя Плотина и философов-неоплатоников. Он думал, что предыдущая греховная жизнь теперь окончательно преодолена; обращенный отныне и впредь являлся совершенно новым и другим человеком, а его последующий путь состоял в непрестанном вознесении на все более чистые вершины близости к Богу. Схожее описание есть в *De vita Moysis* Григория Нисского: „Подобно телам, которые, едва получив первый толчок к падению, идут на дно сами собой, даже и без дальнейших побуждений... точно так же, но противоположным образом, душа, освободившаяся от земных страстей, постоянно поднимается над собой в бы-

¹³⁷ Э. Хиллесум. Запись от 4 сентября 1941 г. // *Я никогда и нигде не умру. Дневник 1941–1943 гг.*

стром восходящем движении... в полете, всегда устремленном к горнему»¹³⁸. Пусть мы никогда не использовали такие слова, но и нам часто доводилось – вероятно, неосознанно – понимать произошедшее с нами (встречу, «обращение») в свете позаимствованных где-то схем, далеких от того, чем мы живем. «Однако действительный опыт Августина был другим: он должен был усвоить, что быть христианами – значит скорее идти по все более трудной дороге, с ее подъемами и спадами. Образ вознесения сменяется образом *iter*, пути, на чьих утомительных ухабах нас утешают и поддерживают моменты света, которые время от времени мы можем переживать. Обращение есть путь, дорога длиной в целую жизнь. И именно поэтому вера всегда есть *развитие* и созревание души в устремлении к Истине, которая „нам ближе, чем мы самим себе“»¹³⁹.

Ратцингер высказывает эти свои наблюдения в речи по случаю столетия со дня смерти Джона Генри Ньюмена, чтобы подчеркнуть другое, более правильное видение обращения, принадлежавшее английскому кардиналу, ныне святому: «В идее развития Ньюмен выразил свой личный опыт обращения, никогда не завершающийся, и таким образом предложил истолкование пути не только христианской доктрины, но и христианской жизни. Отличительной чертой великого учителя Церкви, как мне кажется, является то, что он учит

¹³⁸ Й. Ратцингер. Речь по случаю столетия со дня смерти кардинала Джона Генри Ньюмена. Рим, 28 апреля 1990 г.

¹³⁹ Там же.

не просто своими мыслями и речами, но и своей жизнью, ибо в нем мысль и жизнь взаимопроникаемы и друг другом обусловлены. Если это так, тогда Ньюмен действительно входит в число великих учителей Церкви, поскольку он одновременно касается нашего сердца и просвещает нашу мысль»¹⁴⁰.

Нужно сохранить в памяти и применять к жизни ценное содержание этих слов Ратцингера: «Обращение есть путь, дорога длиной в целую жизнь», «вера всегда есть *развитие*». Они перекликаются с решительными словами прозы Пеги: «Ничто из приобретенного не приобретено навсегда. Таково положение человека. И таково самое глубинное положение христианина. Идея вечного приобретения, идея приобретения окончательного, которое никогда не будет оспорено, – наивысшая противоположность христианской мысли. Идея вечного и окончательного господства, которое никогда не будет поставлено под вопрос, – наивысшая противоположность судьбе человека в системе христианской мысли»¹⁴¹.

Даже Крещение, хотя оно и вносит в нас нечто непреклонно и решительно новое, проводя черту между «до» и «после», – не более чем начало: начало борьбы, которую Христос, как *vir pugnator*, ведет за завоевание нашего существования, чтобы «захватить» его и таким образом привести к исполнению. Крещение, призывающее человека

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Ch. Péguy. *Nota congiunta su Cartesio e sulla filosofia cartesiana // Cartesio e Bergson*. Lecce: Milella, 1977. P. 254.

«понять и принять, что он – часть события Христа», в Церкви «всегда связано с верой»: «апостолы и их сотрудники крестят всякого, кто верит в Иисуса»¹⁴². Так «рождается другой человек, другой народ»¹⁴³.

Однако такое «начало, точно обозначенное во времени, может быть погребенным под толстым слоем земли или в гробнице забвения и неведения», как случается со многими людьми. Мы осознаём важность Крещения и с удивлением видим его плоды в нашей жизни, встречаясь с «живой компанией христиан»¹⁴⁴. И именно в причастности к жизни этой компании в нас раскрывается благодать Крещения.

Здесь опять же требуется путь. Даже те, кто был избран, достигнут в Крещении, могут «погрузиться в мутные волны мира, поддавшись беспамятству, не живя памятью, то есть осознанием присутствия Христа – реального события в жизни человека»¹⁴⁵.

Итак, путь не обрывается. Но такой очевидный факт (что обращение – это дорога длиной в целую жизнь, а вера – всегда находится в развитии) может ввести – а мы даже не заметим – в искушение. Оно состоит в смене метода, в подмене встречи чем-то еще. Так случается перед лицом жизни с ее неотложными обстоятельствами, с ее вызовами, личными и общественными. Иными словами, искушение в том, чтобы воспринимать

¹⁴² *Катехизис Католической Церкви*, 1226.

¹⁴³ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 79

¹⁴⁴ Ср. *Там же.* С. 80–81.

¹⁴⁵ Ср. *Там же.* С. 84.

событие как нечто саморазумеющееся, воспринимать таким образом веру и сосредотачиваться на другом. Мы ищем свершения нашей жизни где-то еще, а не в привлекавшем нас событии. Вот почему Джуссани пишет: «Слово „событие“ с большим трудом понимается и принимается современной ментальностью, а потому и каждым из нас. <...> Сложнее всего принять тот факт, что именно событие пробуждает нас для самих себя, для истины о нашей жизни, для нашей судьбы, для надежды, для нравственности»¹⁴⁶. В результате мы ищем прибежища и поддержки в чем-то придуманном и созданном нами, в чем-то, что, по нашему мнению (хоть мы этого и не высказываем), более действенно против окружающего и закрадывающегося и в нас небытия.

Почему же, пережив изначальную притягательность, мы падаем, оказываемся втянутыми в борьбу, которая порой истощает нас? Почему мы меняем метод? Тут нужно сделать первое замечание. Решение сосредоточить внимание не на встрече, а на том, что кажется подконтрольным нам, лучше обеспечивающим нашу самореализацию, усиленно поддерживается – хотя в большинстве случаев и неявным образом – менталитетом, распространенным вокруг нас и в нас проникающим. «Мы погружены в „мирскую“ реальность, противоположную тому, что с нами случилось; она нуждается в событии Христа, в том, чтобы оно было засвидетельствовано и прожито, но ее сознание и чувство коренным образом чужды, противополо-

¹⁴⁶ Ср. Там же. С. 26.

ставлены новой личности, „новой твари“, начало которой дает Христос»¹⁴⁷. Противоречие между новизной, принесенной в мир событием Христа, и историческим контекстом нашей жизни непрестанно бросает христианину, крещенному вызов. Как не пасть под его тяжестью? Только благодаря конкретному и непреходящему присутствию воплощенной Тайны, которая делается доступной опыту посредством живой христианской действительности.

Вдали от такого конкретного и непреходящего присутствия Христа, оказывающего нам предпочтение и тем самым приобщающего к Себе («Закхей, сойди скорее с дерева, Я иду к тебе домой»), каждый из нас, хотя мы и получили Крещение и в определенный момент столкнулись с компанией Церкви, оказывается одиноким перед лицом своих желаний, оставленным на произвол сил и обольщения власти, в плену у мыслей о свершении, которые ему ежедневно преподносятся внешней средой и которые он, осознанно или неосознанно, перенимает.

Будьте, однако, внимательны: если и правда без современной связи с постоянной компанией Христа, проявляющейся в человеческих лицах, которые Он использует, сложно, а может, и невозможно не поддаться окружающему менталитету, то так же верно, что погруженность в живую христианскую компанию не уберегает нас автоматически от риска подменить встреченное событие чем-то еще, возложить на что-то другое наши надежды, вновь вооб-

¹⁴⁷ Ср. Там же. С. 83–84.

разить себе путь к свершению как то, чего можно достичь собственными силами. Такое искушение имеет место сегодня, как и в начале, и оно будет существовать на протяжении всей истории. Поддаться ему – вот в чем, по сути, и состоит «грех». По-своему об этом говорит Мария Самбрано, обращая взгляд к истокам: «Если придерживаться священного рассказа книги Бытия, он [Адам] поддался многообещающему соблазну будущего – „будете как боги“ – не из жажды счастья, а напротив, уклонившись от счастья, нахлынувшего на него, чтобы преследовать его собственное творение, нечто, созданное им, чтобы не созерцать то, что ему предлагалось, чтобы избежать чистого присутствия существ, о которых он знал имя, но не секрет»¹⁴⁸.

Каждый призван увидеть, что происходит в личной или общественной жизни, когда мы поддаемся искушению и подменяем новизну, порожденную воплощенной Тайной, творением наших рук, чем-то созданным нами.

2. Искушение утверждать самих себя

Взгляд на историю, возникшую благодаря харизме, дарованной отцу Джуссани, может оказаться неоценимым для понимания того, какие факторы задействованы на христианском пути.

В определенный исторический момент, в годы после 1968-го, на фоне непрекращающегося дав-

¹⁴⁸ M. Zambrano. *Chiari del bosco*. Milano Bruno Mondadori, 2004. P. 71.

ления со стороны культурной, социальной и политической среды, в некотором смысле схожего с тем, какому мы подвергаемся сегодня, Джуссани точно описал искушение, о котором идет речь. Дело было в 1975 году, но его соображения, высказанные перед группой взрослых людей из Милана, собравшихся в зале консерватории по случаю традиционного Дня начала года, верны и для нас сегодня¹⁴⁹.

Джуссани заявляет, что в движении «Общение и освобождение» наблюдается «спад» (очерствение опыта, потерянности, суета), и связывает его с «отсутствием метода, отсутствием внимания». Как понимать это отсутствие метода и внимания? Оно заключается в том, что «суть проблемы, корень, из которого произрастает все, источник энергии и ума воспринимаются как должное, более не подпитываются, не лелеются, наше внимание и воля более не помогают им, и потому постепенно все как будто исчезает, становится абстрактным. Горе нам, если в христианской жизни мы так или иначе воспринимаем как должное то, что непрестанно дает начало нашему облику, нашей личности, нашему свету и нашей силе»¹⁵⁰. Когда исток, то есть произошедшее событие, становится для нас саморазумеющимся, он превращается в некое априори, которое мы откладываем подальше. Событие видится нам как предпосылка, и мы подходим к ре-

¹⁴⁹ Имеется в виду традиционная встреча членов «Общения и освобождения», приуроченная к началу социального года после летнего перерыва.

¹⁵⁰ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Giornata d'inizio anno di CL. Milano, 14 settembre 1975.

альности на основании наших проектов и наших толкований. Событие выживает как категория, известная и даже применяемая, но не как корень познания и действия. Оно не движет нами, и мы не ждем от него удовлетворения, или соответствия исконным потребностям сердца. Удовлетворения мы ищем в реализации собственных планов, в собственных созидательных способностях, в утверждении самих себя. Так незаметно происходит упомянутая выше перемена метода.

По этой причине Джуссани отождествляет отсутствие метода и внимания с «серьезным перевесом самовыражения, поиска самовыражения, как личного, так и коллективного», в погоне за «самовыражением, понимаемым натуралистически». Мы ощущаем острую необходимость в том, чтобы инстинктивность, потребности, нужды, которые переполняют нашу личную жизнь, которые мы замечаем в жизни коллективной, были удовлетворены, и это опасным образом превосходит, перевешивает то, что постоянно подпитывает наш человеческий и христианский путь». Одним словом, поиск самовыражения преобладает в ущерб событию, вошедшему в жизнь и представшему перед нами как исток новой человечности, нового ума и новой привязанности.

В чем корень проблемы? Джуссани без колебаний отвечает: в утверждении самих себя как конечной точки и горизонта наших действий. «Цель, которую мы преследуем, ходя в церковь или ведя борьбу на фабрике, в школе или в университете, когда мы одни или вместе, – утверждение самих себя согласно интересующим нас аспектам (это

могут быть чувства, или любовь к культуре и заинтересованность в ней, или желание проявить собственные умения, или страсть к социальной жизни или политике). Вот средоточие проблемы: цель, которую мы преследуем по отдельности или сообща мне кажется, определяется преимущественно необходимостью и претензией, тревогой и утверждением самих себя, согласно тому, что интересует нас, согласно тому, что мы находим для себя интересным»¹⁵¹. Джуссани – надо отметить – говорит не перед людьми, избравшими иные пути, а перед теми, кто причастен к им же порожденному христианскому опыту и щедро отдает время и силы в различных сферах деятельности. Потому-то его наблюдение еще любопытнее: оно касается не «других», а «нас», людей, которые живут привлеченным их христианским предложением.

В недавно опубликованной книге Джуссани проясняет суть проблемы с помощью альтернативы: «Вместо того, чтобы утверждать бытие, реальность в ее цельной, полной истине, в ее всеобъемлющей, исчерпывающей судьбе, мы обусловлены заботой о том, как бы утвердить самих себя». И еще: «Мы возлагаем надежды на наши проекты; это грех – возлагать надежды на свои проекты»¹⁵². Таково наше неизменное искушение. По какой-то странной и глубокой слабости, вместе с высокомерием,

¹⁵¹ *Ivi*. У Толстого на этот счет есть тонкий парафраз Евангелия: «Ищите Царства Божия и правды Его, а остальное приложится вам. А мы ищем остального и, очевидно, не находим его» (Л. Н. Толстой. *Воскресение*. С. 444).

¹⁵² L. Giussani. *Un avvenimento nella vita dell'uomo*. Milano: Bur, 2020. P. 187, 27.

которому он поддается, человек, каждый из нас, отрывается от того, что дает ему жизнь, не принимает его в расчет (а это своего рода отрицание) и утверждает самого себя. Он делает ставку на себя и «сосредотачивает внимание и желание на частных и ограниченных вещах. Изначальный замысел, по которому человек сотворен, искажен произвольным использованием свободы; таким образом, люди тянутся к частности, которая, будучи отъединенной от целого, отождествляется с целью жизни. Повседневный опыт заключается в том, что люди склонны отождествлять целостность жизни с чем-то фрагментарным и ограниченным. Выйти за пределы такой фрагментарности не в наших силах: никто из нас не в состоянии в одиночку возвратиться к истинному взгляду на реальность»¹⁵³.

Однако попытки утверждать самих себя не ведут к обещанным полноте и удовлетворению и не освобождают от небытия. Наши речи и предпринимаемые нами попытки несостоятельны и бесплодны, как уже было сказано. Более того, чем больше дел мы берем на себя, тем «непомернее растет неудовлетворенность»¹⁵⁴. Во грехе заключе-

¹⁵³ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 27–28.

¹⁵⁴ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Giornata d'inizio anno di CL. Milano, 14 settembre 1975. Достоевский в «Братьях Карамазовых» пишет: «Ибо всякий-то теперь стремится отделить свое лицо наиболее, хочет испытать в себе самом полноту жизни, а между тем выходит из всех его усилий вместо полноты жизни лишь полное самоубийство, ибо вместо полноты определения существа своего впадают в совершенное уединение» (Ф. М. Достоевский. *Братья Карамазовы* // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 14. Л.: Наука, 1976. С. 275).

но возмездие, то, которое Данте описывает словом *contrapasso* [наказание путем процесса, напоминающего грех или противоположного ему. – *Примеч. перев.*]: «человека наказывают как раз посредством совершенной им ошибки». Действительно, «поиск самоутверждения в какой-либо частности или в другом человеке (что нам наиболее интересно), всегда имеет результатом еще большее затруднение. Такое поведение, для которого предпочтительно самоутверждение, удовольствие слышать самих себя, удовольствие от самовыражения, разрушает все»¹⁵⁵.

В этот период, отмеченный коронавирусом, мы, как никогда, убедились в ограниченности определенного способа пребывать в реальности и в том, насколько жалки попытки возлагать надежду на самовыражение. Грэм Грин пишет: «Самовыражение – вещь жестокая и жадная. Оно поедает все, даже тебя самого. В конце концов и выразить тебе больше некого. Меня... ничто не интересует»¹⁵⁶. «Тот, кто сосредоточен на себе, на собственной доброте или уме, на тревоге или убежденности в своей правоте, в конечном итоге перестает воспринимать реальность в ее неиссякаемой и таинственной инаковости. И тогда единственное воодушевление, которое возможно испытать в жизни – воодушевление от своей правоты, от удовлетворенности и уж точно не удивление перед происходящим, перед реальностью, обращающейся к человеку, перед

¹⁵⁵ *Ivi.*

¹⁵⁶ Г. Грин. *Ценой потери*. Гл. 3. Пер. Н. Волжиной.

благодатью бытия»¹⁵⁷. Сосредоточенность на себе делает нас глухими к реальности к ее неиссякаемой и таинственной инаковости, и превращает жизнь в удушающий пузырь.

То, в чем мы ищем удовлетворения, ведет нас к нигилизму; предпочитая наслаждаться самовыражением, мы все разрушаем, сводим все к нулю. Почему? Потому что, поступая так, мы идем против закона человеческого свершения. «Закон жизни изречен Господом: „Кто ищет себя, себя потеряет, а кто согласится потерять себя, себя найдет. Кто соглашается потерять себя ради Меня, обретает себя“. Такова концепция „обращения“»¹⁵⁸.

3. Обращение – постоянное возвращение к вере

Итак, отец Джуссани указывает на следующую альтернативу: «Не самовыражение, а обращение. Не публичное, культурное, политическое выражение Движения, а обращение Движения. Вот верное слово! За такое обращение по замыслу Бога и в Его сроки полагается награда в этом мире: „Все народы придут к Тебе“, как все проро-

¹⁵⁷ L. Giussani. *Un avvenimento nella vita dell'uomo*. P. 139. В том же ключе де Любак пишет: «...люди считают себя здравомыслящими и уже не могут увидеть главного. Они больше не различают, пусть даже имея их прямо перед собой, новых и новых даров неизменного и вечно нового Духа» (А. де Любак. *Указ. соч.* С. 227).

¹⁵⁸ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Giornata d'inizio anno di CL. Milano, 14 settembre 1975.

ки пели Израилю, – при условии, что народ останется верным»¹⁵⁹

«Награду», стократное воздаяние в этой жизни во всех смыслах, в том числе и с точки зрения влияния на историю, обеспечивает обращение к событию Христа, а не притязания, заключенные в наших проектах, и не лихорадочные попытки самовыразиться, самоутвердиться. Но именно тут мы и оступаемся: вера, встреча часто кажутся нам слишком слабыми, недостаточными для достижения удовлетворения и влияния, которых мы желаем, к которым стремимся, которые воображаем себе, и потому мы оставляем событие позади и делаем ставку на собственную инициативу. Толстой описал это поведение и его последствия так: «Он думал, что он верит, но между тем... он всем существом сознавал, что эта вера его была что-то совсем „не то“. И от этого у него всегда были грустные глаза»¹⁶⁰.

Итак, если Бог, смысл всего, стал человеком, если это событие длится в истории, остается современным жизни каждого из нас, то для человека, который его признает, все должно вертеться вокруг него. «Встреча, положившая начало нашему пути, имеет те же свойства, она является определяющей и всеобъемлющей, так что все частности пережи-

¹⁵⁹ *Ivi*. Де Любак замечает: «Тот, кто не видит в Церкви ничего, кроме отмеренных человеческой меркой достоинств, кто рассматривает ее в качестве средства, пусть даже благороднейшего из всех средств, для достижения земных целей, кто, оставаясь до какой-то степени верующим, не различает в ней прежде всего тайны веры, – тот полностью не понимает ее» (А. де Любак. *Указ. соч.* С. 168).

¹⁶⁰ Л. Н. Толстой. *Воскресение*. С. 283.

ваемой нами истории в нее входят». Христос имеет отношение ко всей жизни целиком, ко всем ее конкретным сторонам. «Содержание веры (Бог, ставший человеком, Иисус Христос, умерший и воскресший), которое проступает во встрече, то есть в некий момент истории, объемлет все ее мгновения и аспекты; они, словно в водоворот, попадают внутрь этой встречи, и именно с ее точки зрения к ним и следует подходить, согласно любви, изливающейся из нее, согласно возможной пользы для твоей судьбы и человеческой судьбы вообще, которую она предлагает»¹⁶¹.

Чтобы подчеркнуть всеобъемлющий характер веры, отец Джуссани указывает на разницу между средой и формой. «Случившаяся встреча по самой своей всеобъемлющей природе становится со временем истинной формой всякого отношения, истинной формой взгляда, которым я смотрю на природу, на себя самого, на других, на все вещи. Встреча, если она всеобъемлюща, становится формой, а не просто средой общения: она не только образует компанию как место отношений между людьми, но и является формой их понимания и проживания»¹⁶². Это означает, что взгляд на каждую деталь реальности, на каждый поворот существования, сформирован встречей. Можно переживать все с неожиданной интенсивностью и достоинством, даже когда оказываешься в стесненных обстоятельствах. Это не «литература», а жизненный опыт. Этти Хиллесум, сидя на де-

¹⁶¹ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 37.

¹⁶² Ср. *Там же.*

ревянной скамье концлагеря Вестерборк, писала: «Здесь учишься очень многому. Например, что жизнь весьма отличается от того, как ее описывают учебники по истории, и что жить – это благо в любом месте, даже за колючей проволокой и в бараках, полных сквозняков, если живешь с любовью, необходимой в отношении других людей и жизни»¹⁶³.

Зачастую, хотя мы в этом и не признаемся сами себе, значение встречи и веры и действительность инициативы Тайны в мире вызывают в нас скепсис. «Тихий» метод Бога, как определяет его Бенедикт XVI, кажется нам очень уж тихим: «Тайна Божия состоит в том, что Он действует очень тихо и неприметно; что внутри великой истории человечества он создает *Свою* историю; что Он становится Человеком и при этом может быть не замечен Своими современниками, авторитетными силами истории; что Он страдает и умирает и как Воскресший желает прийти к человечеству только через веру Своих учеников, которым Он и являет Себя; что Он продолжает тихо стучать в двери нашего сердца и, если мы открываем Ему, постепенно делает нас зрячими. ...не это ли подлинно Божественный способ? Не подавлять внешней силой, но давать свободу и пробуждать любовь»¹⁶⁴. Из-за такого скептицизма мы предпочитаем (не афишируя это, хотя все становится ясно по на-

¹⁶³ E. Hillesum. *Lettere*. Milano: Adelphi, 2013. P. 182–183.

¹⁶⁴ Й. Ратцингер – Бенедикт XVI. *Иисус из Назарета. Часть вторая. От Входа в Иерусалим до Воскресения*. Гл. 9. М.: Изд-во Францисканцев, 2014.

шему поведению) подменять или «подкреплять» событие, Божий способ являть Себя и действовать, Его «стиль» нашими проектами, нашей деятельностью. Поступая так, мы не отрицаем Христа открыто, но оставляем Его в дарохранительнице, в нише устоявшихся предпосылок. Мы считаем само собой разумеющимся исток, развоплощаем его и превращаем во вдохновение, оправдывающее то, что думаем и чего хотим мы, оправдывающее наше самоутверждение¹⁶⁵. Поэтому-то Джуссани и предлагает нам обращение – личное и коллективное.

Обращение! О чем речь и почему оно играет решающую роль? «Обращаться – значит постоянно возвращаться к вере, а вера есть признание факта, произошедшего факта, великого события, которое продолжает пребывать среди нас. Кто верил две тысячи лет назад? Те немногие или многие, кто признавал в том Человеке присутствие чего-то великого, сверхъестественного. Чего-то, что не было видно по тому, как Он выглядел, но было в Нем очевидно, поскольку „никто не может говорить слова и совершать дела, какие Ты говоришь и совершаешь, если Бог не с ним“, как сказал Никодим Иисусу. Следовательно, возвращаться к вере – значит постоянно возвращаться к осознанию Тайны среди нас и присоединяться к ней, к событию в нас и среди нас: в каждом из нас в силу Крещения и, следовательно, среди нас, ибо мы часть Церкви

¹⁶⁵ См. Конгрегация вероучения. Послание *Placuit Deo* епископам Католической Церкви о некоторых аспектах христианского спасения, 2.

Божией». Если такое обращение действительно становится «проектом нашей жизни, тогда нам куда более по плечу быть готовыми, открытыми и способными во всех обязательствах, которых история просит у нас день за днем»¹⁶⁶.

Джуссани продолжает и уточняет: постоянно вновь возвращаться к вере – значит «возвращаться к вере как к постижению и послушанию». Перед нами два измерения веры – постижение и послушание, и нужно присмотреться к ним внимательней.

Начнем с первого. «Событие внутри меня и вас, внутри нас воспринимается умом. Действительно, вера, есть действие постижения», постижения «более глубокого и более великого, чем обычное постижение естественного разума, поскольку оно проникает на тот уровень вещей, где вещи получают их содержание и смысл. Возвращаться к вере как к постижению – значит постоянно признавать факт, пребывающий среди нас: „Все мы, едящие от одного Хлеба, суть одно. Все вы друг другу члены, а потому носите бремена друг друга“»¹⁶⁷.

У меня возникает вопрос: как сегодня в нашем мире со всеми его завоеваниями и прогрессом, которые для него характерны, со всем скептицизмом и предрассудками, которые его ожесточают, мы можем говорить об обозначенных выше вещах? По какому праву мы можем говорить о них? Только по праву, основанному на жизни, на опыте, то есть только если в нас возрастает новое самосознание,

¹⁶⁶ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Giornata d'inizio anno di CL. Milano, 14 settembre 1975.

¹⁶⁷ *Ivi*

а значит, и новый, более человеческий способ переживать ситуации, общие для всех людей. Бердяев подчеркивал: «Духовное освобождение сопровождается переходом не к абстракции, а к конкретности. <...> Духовное освобождение есть победа над властью чуждости»¹⁶⁸. Как можем мы говорить словами Джуссани: «Мы образуем место, где находит осуществление благородное усилие человека, устремленное к освобождению»? Как можно говорить эти вещи, «если божественная реальность, тайна Христа среди нас и в нас не остается постоянно присутствующей, не является содержанием нового самосознания»? Новое самосознание «действительно есть иной способ воспринимать самих себя, иной способ воспринимать присутствие другого, понимать, кто такой другой и каково мое отношение с ним. „Все мы одно, так что вы все – члены друг друга, а потому носите бремена друг друга“. До тех пор, пока это не превратится в проект каждого нашего утра, в программу каждого дня, что вообще мы делаем [в мире]? Наша позиция перед миром сразу же превращается слова среди прочих, в идеологию среди прочих и в очередную иллюзию, брошенную людям в лицо»¹⁶⁹.

Второе понятие, которое Джуссани использует, чтобы описать обращение, постоянное возвращение к вере, – «послушание». Следовательно, речь не только о вере как о постижении, как о «воспри-

¹⁶⁸ Н. А. Бердяев. *О рабстве и свободе человека*. Цит. по N. Berdjaev. *Schiavitù e libertà dell'uomo*. Milano: Bompiani, 2010. P. 626.

¹⁶⁹ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Giornata d'inizio anno di CL. Milano, 14 settembre 1975.

ятии новизны в нас и среди нас, но и как о послушании этой признанной, воспринятой реальности в нас и среди нас, этому единству с тайной Христа, каким являемся я и вы, этому единству между мной и вами. Кровное единство, полученное от матери, является менее глубоким и определяющим, как сказал Господь в тот раз, когда кто-то пробился к Нему через толпу, говоря: „Учитель, тут Твоя мать и братья “. – „Кто Моя мать, и Мои братья, и Мои родные? Кто будет исполнять волю Отца, тот Мне мать, брат и сестра“»¹⁷⁰.

Мы более подробно рассмотрим слово «послушание» в конце нашего пути. Сейчас же спросим себя: каким образом проверить, что *вера* как *признание*, как *постижение* новизны в нас и между нами и как *послушание* этой признанной реальности, «*нашему единству в том Человеке, Христе*»¹⁷¹, реальны в тебе и во мне? Каким образом проверить обращение? Проверка – новая человечность, предваряющая окончательное счастье.

О таком опыте свидетельствует святой Павел в своих посланиях. «На него [на плотское обрезание] мог бы полагаться и я – уж если кто другой на него полагается, я тем более: я был обрезан на восьмой день, и родом я израильтянин из колена Вениаминова. Я – еврей из евреев, закон я соблюдал как фарисей, а по собственному рвению гнал церковь, и что до той праведности, которая определяется законом, я безупречен. Но все эти соб-

¹⁷⁰ *Ivi.*

¹⁷¹ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Milano: Bur, 2006. P. 25–26.

ственные выгоды в сравнении с Христом я счел потерей! Вообще все я считаю потерей по сравнению с тем, что намного лучше: познать Христа Иисуса, Господа моего! Ради Него все я счел хламом и отбросил, лишь бы приобрести Христа, лишь бы оказаться вместе с Ним. Моя праведность – не та, что происходит от закона, но та, что дается верой Христовой, эта праведность от Бога и по вере. Это значит: познать Христа и силу Его воскресения, приобщиться к Его страданиям, умереть подобно Ему, чтобы и мне достигнуть воскресения из мертвых. Не то чтобы я этим уже обладал или достиг совершенства, но я стремлюсь этим обладать, как и мной обладает Христос Иисус. Братья, я не считаю, что все уже в моих руках. Я забываю о том, что бросил позади, и тянусь к тому, что впереди – устремляюсь к цели, чтобы получить свыше награду, к которой призывает меня Бог во Христе Иисусе»¹⁷².

Что значит тянуться вперед, к награде? Это лишь отсылка в будущее? Чтобы прояснить опыт, стоящий за таким стремлением, Джуссани останавливается на слове, к которому для этого прибегли святой Павел, а впоследствии и литургия. Он добавляет замечание, являющееся ключевым для нас, для нашего опыта, твоего и моего, опыта людей, желающих достичь свершения: «Награда начинается уже здесь, это обещанная новая человечность. Святой Павел и литургия используют очень ясный термин: «залог», залог Духа. «Залог» означает предварение, предварение окончательно-

¹⁷² Фли. 3:4–14. Пер. А. Десницкого.

го счастья уже здесь. Именно его мы призваны испытывать и переживать, чтобы дарить его другим, миру, людям, поскольку этот новый дар новой человечности – лучший совет, гарантирующий, что человеческие усилия не будут обманываться и обманывать и в конце концов разочаровывать»¹⁷³.

Новая человечность, иная, более истинная, более совершенная, более желанная – единственный «совет», способный пробить брешь в нашем сознании и в сознании современных людей, только он может быть услышан как притягательное и освобождающее приглашение. Определение таких вещей всегда носит общий характер, но сказанное «верно для твоей семейной жизни, в отношении с твоей женой, с твоим мужем, с твоими детьми, верно для отношений с людьми на работе, для отношений, в которые ты должен входить с каждым встречающимся тебе человеком, для каждого случающегося события, благоприятного или враждебного, чтобы при благоприятном раскладе мы были смиренными, а при враждебном – уверенными»¹⁷⁴.

Вот награда за обращение, о котором мы говорили: новая человечность, предварение окончательного счастья, а потому и иной способ понимать вещи, новое познание, *подлинный взгляд на реальность*.

¹⁷³ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Giornata d'inizio anno di CL. Milano, 14 settembre 1975.

¹⁷⁴ *Ivi*.

ОТНОШЕНИЕ С ОТЦОМ

В чем заключается подлинный взгляд на реальность? У кого он был? Кто принес его в историю и может помочь и нам смотреть так?

Иисус жил на земле, как живет каждый из нас. Будучи истинным человеком, Он имел дело с фрагментарными, конечными, скоротечными вещами; Он претерпел испытания и страдания вплоть до последнего – креста. Что позволило Ему не оказаться в плену у фрагментарности, не впасть в нигилизм или в отчаяние перед высшим испытанием? Как Христос помогает нам не стать жертвами фрагментарности вещей и обстоятельств, наших убогих попыток самоутвердиться, отсутствия смысла, отчаяния?

1. Наша жизнь зависит от Другого

В одной своей книге¹⁷⁵ Джуссани приводит и комментирует отрывок из «Введения в христианство» Ратцингера, где тот пишет: «Что случится со мною лично, если я сам стану христианином, если я уверю себя имени Христа и буду утверждать, что Он совершенный образ человека, мера человеческого?»

¹⁷⁵ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. Milano: Bur, 2018.

Какой бытийный поворот совершу я при этом, каково будет мое отношение к человеческому бытию? Сколь глубок этот процесс? Как будет расцелена действительность в целом?»¹⁷⁶

Прочитав этот отрывок, Джуссани рассматривает изложенные в нем мысли и формулирует вытекающие из него следствия: «Ратцингер начинает, говоря, что быть христианами – значит вверить себя имени Христа, „имени“ в еврейском смысле, вверить себя этому Присутствию, силе этого Присутствия, тем самым „утверждая“, признавая Его как „совершенный образ человека“, который должен охватить мою жизнь, признавая Его как критерий, как „меру человеческого“. Я должен стараться действовать, как действует Он»¹⁷⁷.

Какой же первый поворот происходит в нас, что нового в первую очередь появляется, когда мы вверяем себя имени Христа, утверждаем Его как меру любого человеческого действия? Прежде всего появляется «сознание, что наша жизнь зависит от Другого и служит этому Другому! Наша жизнь, когда мы поднимаемся по утрам и пьем кофе с молоком, когда закатываем рукава, чтобы прибраться в доме, когда идем на работу, какой бы эта работа ни была (нет никакой разницы), – наша жизнь зависит от чего-то другого, более великого, недостижимо более великого, чему она служит»¹⁷⁸.

¹⁷⁶ Й. Ратцингер. *Введение в христианство*. Брюссель, 1988. С. 53.

¹⁷⁷ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. P. 126–127.

¹⁷⁸ *Ibidem*. P. 127.

Это – утверждает Джуссани – первая, основополагающая вещь, которая, благодаря Христу как совершенному образу жизни, как мере, как критерию действия, происходит, должна происходить в нас: «Сознание, что мы „принадлежим“ чему-то более великому, что мы „принадлежим Отцу“. Оно хорошо ощущается, когда понимаешь, что все Его существование „служит“ Отцу, является „собственностью“ Отца, „принадлежит“ Отцу»¹⁷⁹. «Отец» – это ключевое слово.

Сейчас, когда из-за коронавируса мы все единодушно лучше осознали, насколько мы хрупки, уязвимы, зависимы от происходящего, значение этих слов проступает с новой драматичной очевидностью.

Именно решающую роль связи с Отцом «смутно ощутил апостол Филипп, когда ровно за час до ареста Христа спросил у Него: „Ты все время говоришь нам об Отце, так покажи нам хоть раз этого Отца, и мы будем счастливы!“ Он понимал: это слово переворачивало привычное человеческое восприятие самих себя, оно доходило до корня всего и охватывало горизонт всего, потому что Отец – горизонт всего, корень всего, бесконечно больше в сравнении с ближайшей возможной параллелью – только что зачатым ребенком, для которого весь горизонт и корень всего – утроба его матери». Действительно, здесь речь идет о высшем отцовстве, радикальном и непрерывном. «*Tam pater nemo*, никто не может быть лучшим отцом, Он единственный Отец, вся наша жизнь служит

¹⁷⁹ *Ivi.*

Ему, принадлежит Ему. „Филипп, столько времени ты со Мной и все еще не понимаешь? Кто видит Меня, видит Отца“. Вот причина безграничных нежности и изумления, которые испытывал ко Христу Достоевский, ибо в Сыне тайна Отца, Которому мы принадлежим, становится нам близкой»¹⁸⁰.

Чтобы описать, как становится близкой Тайна, тот непостижимый исток, из которого мгновение за мгновением проистекают космос и мое «я», как и «я» каждого человека, исток, которому в конечном счете принадлежит все сущее, «слово „Отец“ – наименее далекое из всех, что мы можем использовать. Отец и мать – самые непосредственные символы, самые непосредственные знаки этой близости. Бог стал одним из нас, но Христос, будучи образом человека, будучи мерой, вкладывает в нас глубинное и все более захватывающее сознание о том, что мы принадлежим Кому-то великому, Кого можем называть „Отцом“. Мы должны признавать это в нашей работе и в отношениях, чтобы первая становилась интенсивной и превращалась в жертвование, а вторые были исполнены милосердия и любви»¹⁸¹.

Какую дорогу избрал Отец, чтобы подвести нас к глубокому и близкому отношению с Собой? Он послал Своего Сына, Чье присутствие мы можем уловить, чтобы в вочеловечившемся Сыне дей-

¹⁸⁰ *Ibidem*. P. 128.

¹⁸¹ *Ivi*.

ствием Духа Святого¹⁸² мы «увидели», к какой сокровенной связи с Ним мы призваны и какую новизну это вносит в то, как мы смотрим на все и ко всему подходим.

Как человек Христос подвел тех, кто слышал Его слова и видел Его деяния, к сознанию о принадлежности Отцу? Каждый Его жест, каждое Его изречение, каждый Его взгляд был охвачен, сформирован сознанием об Отце, подтверждал это сознание. «Человека Христа всецело определяло такое сознание, настолько, что Он мог сказать: „Я и Отец – одно“ (Ин. 10:30). Любому, кто остановил бы Его, когда Он шел по дороге, когда говорил с апостолами, когда ел, и спросил бы: „Чем наполнено сейчас Твое сознание?“ – Он ответил бы: „Отцом“. „У Меня есть пища, которой вы не знаете. <...> ...Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его“ (Ин. 4:32–34). Совершать Его дело – это и есть жизнь». Джуссани идет дальше и говорит о себе и о нас, чем бы мы ни занимались, по какому бы пути ни шли: «Моя жизнь есть творить Его дело, и не потому, что я священник; для меня это то же, что и для тебя, машинистки!»¹⁸³

Мы призваны соотносить себя с опытом Христа, вживаться в него, на него мы должны смотреть. Если бы кто-то остановил нас и спросил: «Чем на-

¹⁸² «То, что Он [Иисус] говорит об Отце и о Себе – Сыне, исходит из полноты Духа, которая есть в Нем, и которая наполняет Его сердце, проникает Его собственное „я“, вдохновляет и оживотворяет из глубины Его действие» (Иоанн Павел II. Энциклика *Dominum et vivificantem*, 21).

¹⁸³ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. P. 128–129.

полнено сейчас твое сознание?» – что бы мы ответили? Речь, конечно, не о повторении определенных слов, а о том, чтобы с удивлением увидеть, чем на самом деле наполнено наше сознание в ходе жизни.

Что значит сознать Отца? Кто этот Отец? Отец есть начало всего, Тот, от Кого все происходит, все проистекает: и полевой цветок и лицо любимого человека. А какова связь между сознанием Христа об Отце и Его отношением с реальностью? Чем нам интересен Его образ жизни как человека, пребывающего в отношении с Отцом?

Христос познакомил нас с подходом к реальности, соответствующим сердцу, приносящим удовлетворение, дающим полноту и не оставляющим в разочаровании. Ради этого мы и созданы: «Признавать, что действительность проистекает из Тайны, должно бы быть привычным для разума, так как именно в признании действительности такой, как она есть, какой ее пожелал создать Бог, а не редуцированной, плоской, лишенной глубины, находят соответствие потребности „сердца“ и до конца осуществляются наши способности к разумности и привязанности. В самом деле, разум в силу своего своеобразного устройства может достичь полноты, лишь признавая, что действительность укоренена в Тайне. Человеческий разум достигает своей вершины, воистину является разумом, когда признает вещи, как они есть, а вещи есть, поскольку они происходят от Другого»¹⁸⁴.

Признавать, что реальность проистекает из Тайны, – не значит пребывать в мечтательном за-

¹⁸⁴ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 27.

блуждении, в самоубеждении. Такое признание – высшая точка подлинного использования разума и привязанности. Насколько оно нам знакомо? Часто ли мы, глядя на обычные вещи, признавали Тайну? Это не вопрос одаренности. Признавать, что реальность – знак Тайны, способны все, как утверждает святой Павел в Послании к римлянам: «Людям известно все, что только может быть известно о Боге, ведь Он сам это им открыл. А что невидимо – как Его вечная сила и божественность, – то от создания мира открывается человеку в размышлении о сотворенном Богом мире»¹⁸⁵.

Признание доступно всем, но не само собой разумеется. Напротив, то, что должно бы быть хорошо знакомым нашему разуму, устроенному так, чтобы улавливать смысл реальности, и созвучным нашей свободе, исторически оказывается далеким от нас, размытым, нам не удается ни разглядеть, ни ухватить его. Когда же мы признаем в реальности знак Тайны, это нас поражает, а значит, такой опыт для нас не является чем-то привычным. Привыкли мы разве что к другому способу отношения с реальностью, при котором ее существование очевидно.

Каким, согласно Евангелиям, был повседневный опыт отношения с людьми, вещами и фактами для Иисуса? Иисус воспринимает всю реальность как событие: «Динамика события описывает каждый миг жизни: полевая лилия, которую „Отец Небесный одевает так, как не одевался Соломон“, – это событие; падающая птичка, о которой знает Отец Небесный, – это событие; „волосы, исчисленные

¹⁸⁵ Рим. 1:19–20. Пер. А. Десницкого.

на нашей голове“, – это событие. И небо, и земля, существующие миллионы лет, – это событие, событие, которое и сегодня еще совершается как нечто новое, поскольку их нельзя объяснить исчерпывающим образом. Догадка о том, что в отношениях с каждой вещью присутствует нечто иное, означает, что и отношение есть событие»¹⁸⁶.

Сложно не удивиться взгляду Иисуса на реальность, описанному в Евангелиях, не ощутить его притягательность. Он свидетельствует о таком способе переживания реальности, который не делает ее бесцветной, не редуцирует; этот взгляд воплощает и являет истинное, цельное отношение с каждым аспектом реальности. Показывая нам, как Он смотрит на все: на полевые цветы, на падающую птичку, на страдающего человека – Иисус подводит нас к близкому отношению с Тайной, происходящей здесь и сейчас. Все можно переживать как событие, поскольку все в конечном итоге происходит из Тайны.

Что позволяло Ему переживать реальность так насыщенно? Его отношение с Отцом. Если вернуться к словам, использованным выше, Иисус возлагал надежду не на самоутверждение, на самовыражение, а на отношение с Отцом (даже чудеса никогда не были выставлением напоказ Его способностей, они всегда отсылали к Отцу и совершались, чтобы все задумались об Отце и признали, что Отец послал Его). Его человеческий образ жизни был не самоутверждением, а послушанием воле Отца. Его непрерывное отношение с Отцом, кото-

¹⁸⁶ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 24.

рым в каждый момент наполнилось Его сознание, позволяло Ему переживать все с несравненными насыщенностью и глубиной.

В Человеке Христе совершенным образом воплощается содержание фразы Романо Гвардини: «В опыте великой любви... все происходящее видится сквозь [его] призму»¹⁸⁷.

Ничто не захватывало Его так, как Отец: «Я и Отец – одно»¹⁸⁸. Даже зло, причиненное Ему, не в состоянии было оторвать Его от Отца. Более того, именно в таких ситуациях проявлялась вся глубина Его отношения с Отцом, в силу которого Он вверял Себя Ему сверх всякой меры. «Такое изначальное доверие Отцу, не затуманенное никакой подозрительностью, основано на общении Духа Святого с Отцом и Сыном: Дух поддерживает в Сыне живое непоколебимое доверие, а потому любое повеление Отца, – даже когда ипостасное различие превращается в оставленность – всегда проистекает из любви, на которую сейчас, учитывая что Сын вочеловечился, необходимо отвечать человеческим послушанием»¹⁸⁹. Здесь корень победы Христовой над небытием. Образ жизни Сына есть победа над небытием.

Все, что Христос делает, свидетельствует о Его отношении с Отцом. «Верующий в Меня не в Меня верует, но в Пославшего Меня»¹⁹⁰. Всё: каждый

¹⁸⁷ R. Guardini. *L'essenza del cristianesimo*. Brescia: Morcelliana, 2007. P. 12.

¹⁸⁸ *Ин.* 10:30.

¹⁸⁹ H. U. von Balthasar. *Se non diventerete come questo bambino*. Casale Monferrato (AL): Piemme, 1991. P. 31.

¹⁹⁰ Ср. *Ин* 12:44.

Его жест или слово – отсылает к Отцу, к Тайне. Каждый Его взгляд или действие охвачены этим Присутствием. Как говорится в одной фразе отца Джуссани, которую я стараюсь повторять себе всякий раз, когда только могу: «Человек Иисус из Назарета, облеченный тайной Слова и потому приобщенный к природе Самого Бога (хотя по виду Он совершенно ничем не отличался от всех остальных людей), – никто не видел, чтобы этот Человек совершил хотя бы одно действие, форма которого не выражала бы Его сознание об Отце»¹⁹¹. Подчеркивая то, что характеризовало самосознание Человека Иисуса, Джуссани обращается к словам из Евангелия от Иоанна: «„Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершить дело Его“. Или: „Отец Мой доныне делает, и Я делаю“. Его жизнь – как непрерывный мимесис, непрерывное подражание, как зеркало. Его сознание непрерывно отражало Отца. „Я ничего не могу творить Сам от Себя. Как слышу, так и сужу, и суд Мой праведен; ибо не ищущу Моей воли, но воли пославшего Меня Отца“»¹⁹².

Иисус жил, сознавая, что вся Его ценность зависела от отношения с Отцом. Вне этого отношения ничто не могло длиться, ничто не имело бы содержания. Отец, отношение с Ним – вот что придавало наполненность и смысл всякой вещи: «Иисус, несомненно, изумлялся всему... от самого маленького цветочка до беспредельного небосвода.

¹⁹¹ L. Giussani. *Un uomo nuovo // Tracce – Litterae communionis*. N. 3. 1999. P. VII-IX.

¹⁹² L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. P. 129.

Однако изумление это происходит от куда более глубокого изумления предвечного Сына, Который в совершенном Духе любви изумляется самой этой любви, господствующей над всем и все превосходящей. „Отец больше“»¹⁹³.

2. Следовать за Иисусом – быть детьми

Каким образом этот взгляд на мир и на самих себя может стать близким каждому из нас в истории? Нам стоит научиться взгляду Христа на реальность, потому что, «если человек не рассматривает мир как „данность“, как событие, проистекающее из современного ему действия Бога, дарящего ему мир, то мир утрачивает для него всю силу привлекательности, удивительности и нравственного призыва, то есть совета присоединиться к порядку и судьбе сущего»¹⁹⁴. Напротив, когда мы признаем, что реальность – это событие, что она порождена Тайной, жизнь становится невероятно интенсивной: «Какая насыщенная жизнь обещана тому, что мгновение за мгновение прослеживает связь всего с источником! Каждое мгновение связано неразрывным отношением с Тайной, а потому ничто не пропадает: ради этого мы существуем, и в этом наше блаженство»¹⁹⁵.

Именно отношение с Отцом наполняет смыслом и положительностью каждый отдельно взятый

¹⁹³ Н. U. von Balthasar. *Se non diventerete come questo bambino*. P. 45–46.

¹⁹⁴ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 24–25.

¹⁹⁵ Там же. С. 27.

миг, даже самый мимолетный. Нужно это осознать: «Нет мгновения / которое не давило бы на нас тяжестью / веков; и в каждом биении жизни – / ужасная мера вечности»¹⁹⁶. В противном случае все распадается, и побеждает отсутствие смысла. Вот почему в высшей степени целесообразно следовать за Иисусом. Следуя за Ним, мы можем видеть, как исполняется Его обещание: «Кто последует за Мной, получит во сто крат в этой жизни». В компании Иисуса истинное отношение с реальностью может стать для нас постоянным опытом; религиозность, то есть признанное отношение с Тайной, переживаемое во всем, связанное со всем, может стать опытом каждого момента. В результате может стать постоянной и иная жизнь, проистекающая из этого.

Со Христом ничто не утрачивается, поскольку Христос позволяет нам войти в близкое отношение с Отцом. «После стольких наших разговоров, после долгого времени, проведенного в компании друг друга, мы можем начать чувствовать, какую насыщенность, благородство, легкость это придаст жизни, какую инаковую жизнь несет! <...> „Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня Отца. Воля же пославшего Меня Отца есть та, чтобы из того, что Он Мне дал, ничего не погубить“. Чтобы для меня ничего не погибло! Иисус имел в виду апостолов, учеников, но смысл Его фразы можно расширить. Воля Отца в том, чтобы я не потерял ничего из того, что мне дано: никакой момент, никакое жиз-

¹⁹⁶ A. Negri. *Tempo // Mia giovinezza*. Milano: Bur, 2010. P. 75.

ненное обстоятельство, никакой вызов, никакое дело. Это спонтанная, все более спонтанная насыщенность, а не навязчивая идея»¹⁹⁷.

О такой насыщенности свидетельствует Дитрих Бонхеффер в одном из писем, написанных в заключении, которое для него закончилось смертной казнью из-за противостояния нацистскому режиму: «„Оставьте, милые братья, все, что вас мучит, чего вам не хватает, я принесу все снова“. Что значит: „Я принесу все снова?“ Ничто не утрачивается во Христе, все сохраняется, правда в преображенном виде, прозрачном, ясном... Христос возвращает все это снова, причем так, как это было задумано Богом изначально, без искажения нашими грехами»¹⁹⁸.

Любое обстоятельство может вести к новизне, которую принес в мир Христос. Но для этого мало наших усилий, хотя не стоит думать, что от нас не требуется наша свобода. Разберемся, что значит следовать за Иисусом. Какой путь Он показывает нам? Путь не усилий, а сыновства. Нужно быть детьми. Иисус учит нас, что значит быть детьми, показывая, как Он является Сыном. Засвидетельствованная Им дорога к полноте заключается не в том, чтобы быть способными, а в том, чтобы быть детьми.

Святой Павел напоминает христианам зарождающейся Церкви об источнике такой близости: «А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши

¹⁹⁷ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. P 129–130.

¹⁹⁸ Д. Бонхеффер. *Сопротивление и покорность*. М.: Прогресс, 1994. С. 142.

Духа Сына Своего, вопиющего: „Авва, Отче!“»¹⁹⁹ И еще: «Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: „Авва, Отче!“»²⁰⁰ Бенедикт XVI комментирует: «Став человеком, подобным нам, через воплощение, смерть и воскресение Иисус... принимает нас в Свою человечность и в свое бытие как Сына, так что и мы можем войти в Его особую принадлежность Богу. Конечно, наше бытие чадами Бога не имеет Иисусовой полноты: мы должны становиться ими все больше на протяжении пути всего нашего христианского существования, возрастая в следовании за Христом, в общении с Ним, чтобы все глубже входить в отношение любви с Богом Отцом, на Котором держится наша жизнь. Такая основополагающая действительность предстает перед нами, когда мы открываемся Духу Святому и Он побуждает нас обращаться к Богу, говоря Ему: „Авва“, Отец. Получив усыновление в Иисусе, мы по-настоящему вошли в надтварное; соединенные, мы действительно пребываем в Боге и являемся детьми по-новому, в новом измерении»²⁰¹. Генрих Шлиер подчеркивает: пребывание во Христе Иисусе «открывается нам, становится достигаемым и присутствующим, становится нашим историческим опытом через „пребывание в Духе“... Действительно, в Духе Иисус Христос являет Себя и становится доступным опыту»²⁰².

¹⁹⁹ Гал. 4:6.

²⁰⁰ Рим. 8:15.

²⁰¹ Бенедикт XVI. *Общая аудиенция*, 23 мая 2012 г.

²⁰² Н. Schlier. *Linee fondamentali di una teologia paolina*. Brescia: Queriniana, 2008. P. 156.

О таком сыновстве волнующе говорит Исаак де Л'Этуаль в одной из своих *Проповедей*: «Чего превыше всего желает слуга, ежели не стать сыном? Паче того, о братия мои, кто дерзнул бы помыслить об этом, ежели сие не было бы позволено и обещано самой благостью Божией?»²⁰³ И чуть дальше: «*Как Я и Ты одно, так и они да будут одно с Нами*. Вот куда стремится слуга, где примиряется недруг, дабы из недруга стать слугою, из слуги – другом, из друга – сыном, из сына – наследником, из наследника – одним духом, а то и одним целым с наследием. И как никогда невозможно его будет лишить самого себя, подобно же не лишат его и наследия его, которое есть Сам Бог»²⁰⁴.

Мы ошибаемся, думая, будто инаковость Иисуса – в Его превосходных способностях, позволяющих Ему совершать то, что нам не удастся, – жить, не уступая пустоте. Иисус же не истощается и не оскудевает, не становится жертвой небытия, ибо живет Отцом. В этом Его единственная сила: «Я живу Отцом»²⁰⁵. Его инаковость не в способности быть самим собой независимо. Его инаковость – в том, чтобы быть Сыном. Вот в чем все качественное отличие Христа.

Содержание Его самосознания – отношение с Отцом. «„Говорящий сам от себя ищет славы себе“ [самоутверждения] – и это нас убивает (достаточно подумать о наших спорах); „а Кто ищет

²⁰³ Isacco della Stella. *Sermone V // Pensieri d'amore*. Casale Monferrato (AL): Piemme, 2000. P. 102.

²⁰⁴ *Ibidem*. P. 110.

²⁰⁵ *Ин.* 6:57.

славы Пославшему Его, Тот истинен, и нет неправды в Нем“. Нужно добиваться утверждения не собственной точки зрения, а утверждения истины, полного старания и смирения, ища „мнения“ Пославшего нас»²⁰⁶.

Что значит не пытаться утверждать собственную точку зрения? Речь об ином понимании сознания [тут следуем иметь в виду, что в итальянском языке использовано слово *coscienza*, обозначающее как сознание, так и совесть. – Примеч. перев.]. «Слово „сознание“, произнесенное христианином, полностью противоположно тому, как произносит его современный человек. В устах современного человека слово „сознание“ („я поступаю, как велит мне мое сознание“) означает место, где генерируются его мнения, его мысли, и он вправе утверждать то, что думает и чувствует, поскольку видит в себе исток всего: сознание воспринимается как исток критериев и мнений». Для христианина же сознание – «место в самом себе, где ты ищешь слушаешь истину Другого; поэтому христианин по природе своей кроток, и когда услышанное ему ясно, он твердо уверен, кротко уверен и вполне готов бросить все свои силы на то, чтобы „услышать“, как было сказано в Евангелии от Иоанна: „Пославший Меня есть истинен, и что Я слышал от Него, то и говорю миру“. Мы говорим то, что услышали»²⁰⁷.

Слушать истину Другого, говорить то, что услышал от Другого – разве это странно или трудно? Нет, отвечает Джуссани к взрослым людям, к ко-

²⁰⁶ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. P. 130.

²⁰⁷ *Ibidem*. P. 130–131.

торым обращается: «Вы всегда так поступаете; пардон, вы поступаете так часто». Нужно только сознавать это. «Великое дело – сознавать, что вы поступаете так, удивляться, когда вы говорите или советуете что-то вашим детям или вашим друзьям (это одно и то же), удивляться, когда вы говорите с вашими детьми и можете сказать: „Тот, благодаря Кому я так говорю, истинен, и я говорю вещи, услышанные от Него, я говорю моим детям вещи, услышанные от Него“»²⁰⁸. Когда в отношениях с детьми задействовано это новое сознание, «какое спокойствие, какая уверенность, какое умиротворение тогда наступает! Вы свободны даже перед ответом, который даст вам ваш ребенок. Когда же важным является наше мнение, мы хотим, чтобы дети во что бы то ни стало приняли его, мы доминируем»²⁰⁹. Вот весьма конкретные признаки, по которым мы проверяем, начинает ли новое сознание, порожденное Христом, проникать в самое наше нутро, или нет.

Итак, важно, чтобы сознание об Отце становилось все более близким нам, чтобы каждый, подобно Иисусу, мог сказать: «Пославший Меня есть со Мною». Такой опыт созревает во времени, если мы продолжаем идти вперед, если не перестаем идти по дорожке, которую всегда прокладывает перед нами встреча, как мы уже говорили. «Попробуем представить, вообразить, как кто-то, какой-то человек десять, сто, тысячу раз на дню осознает, что Пославший Его, то есть Творящий его, творящая

²⁰⁸ *Ibidem*. P. 131.

²⁰⁹ *Ivi*.

его Тайна с ним, что Бог с ним: в этом корень спокойной ясности некоторых лиц, некоторых лиц монахов или монахинь. Отсюда же и поразительная спокойная ясность лиц многих наших друзей, поскольку они живут так среди нас»²¹⁰.

Подобное осознание формирует каждое мгновение, каждый жест, каждый взгляд, подход ко всему, шаг за шагом. «„Я от Бога исшел... Я не Сам от Себя пришел“. Я говорю это не вам, я говорю это себе», – подчеркивает Джуссани, – «и каждый должен говорить это самому себе: я пришел не от себя, я исшел от Другого и потому должен творить дела Того, от Кого я исшел, я должен слушать, должен смотреть, должен подражать. Если бы кто-то подошел к тому Человеку, Иисусу из Назарета, в любой момент Его жизни, когда Он был юношей или взрослым, и спросил бы: „О чем думаешь?“ – Он ответил бы: „Об Отце“, – но не в отрыве от всего остального». Действительно, нет никакой альтернативы в том, чтобы думать об Отце и думать о вещах или интересоваться ими. «Думать об Отце – верный способ думать о вещах, истинный способ думать о вещах. Это взгляд, которым ты смотришь на твою жену или мужа, на твоих детей, на твою работу, на доброе и плохое, что с тобой происходит, на себя самого»²¹¹.

Иисус являет нам Тайну как Отца. Он учит нас говорить: «Отче наш». И поэтому мгновение за мгновением замечать отношение всего с истоком – значит замечать отношение всего с Отцом.

²¹⁰ *Ibidem*. P. 132.

²¹¹ *Ivi*.

Это позволяет нам видеть все вещи согласно истине о них, в их цельности, в их созидаемости. «Думаете, отношение с Тайной, с Отцом, как говорил Иисус, а следовательно, и подражание Христу не позволяет нам смотреть на мужчину, женщину, детей, цветы, вещи? Нет, оно позволяет нам смотреть на них взглядом, в сто раз более сосредоточенным и более истинным, так что, даже запинаясь, мы понимаем: истина вот в этом; даже запинаясь, мы ощущаем, что истина приходит к нам отсюда»²¹².

3. Зло – это забвение

Отношение с Отцом не отвлекает от вещей, не затмевает их, а наполняет смыслом. Думать об Отце – вот верный способ думать о вещах. Такой взгляд наконец-то является истинным. И тогда все приобретает исключительную глубину и насыщенность: наконец-то утверждается ценность мгновения, отношений, работы, реальности, обстоятельств, страданий – собственных и других людей.

У этого истинного подхода ко всему есть признаки: свобода, умиротворение, непоколебимая уверенность, доверие, предание себя («В руки Твои предаю дух Мой»). Тогда тревоге уже не одержать над нами победу, нас больше не определяет то, насколько успешно мы самовыражаемся, в нас не больше не царят страх и сомнение. «И к чему тер-

²¹² *Ibidem*. P. 138.

зять себя, когда так просто послушаться?»²¹³ – говорит Анн Веркор в «Извещении Марии» Клоделя.

И все же, сколько лжи и фрагментарности в нашем образе мыслей и в отношении к самим себе, к другим, к вещам! Мы часто спрашиваем себя, откуда они берутся. И тут же отвечаем: от греха – не зная толком, в чем, собственно, состоит грех. Мы сразу думаем о том, что нам недостает энергии, силы воли, последовательности. Это признак нашей склонности к морализму, словно тень сопровождающему все, чем мы живем, и омрачающему столько дней нашей жизни.

Попробуем заглянуть вглубь проблемы, не позволяя морализму сразу же сбить нас с пути. Опыт греха – это «в буквальном смысле упадок сознания об Отце, то есть упадок стремления к тому, чтобы такое сознание осуществлялось». Действительно, «если я привязан к „тому, что больше меня“... и если моя природа заключается в том, чтобы жить сознательно, то уходить от сознания об этом отношении – зло. Зло – действие человека, отказавшегося от сознания об этом отношении. <...> Настоящее зло, ткань зла – такое забвение. И тогда как важны утренние и вечерние молитвы! Как важно читать „Отче наш“! Возьмем на себя обязательство произносить эту молитву медленно, взвешивая слова, чтобы хотя бы на один миг за двадцать четыре часа стать людьми, ведь потом это влияет на все!»²¹⁴

²¹³ П. Клодель. *Извещение Марии*. Сериате: Христианская Россия, 1999. С. 226.

²¹⁴ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. P. 134.

Подлинная проблема состоит прежде всего не в отсутствии энергии, силы воли или последовательности, но в забвении, в недостаточной близости с Отцом. И это не проблема способностей. Когда недостает сознания об Отце, то есть сознания о нашем сыновстве, мельчает и цель жизни: она превращается в чистое самоутверждение. Иными словами, мы делаем все «ради эфемерной цели, отбрасывающей все в небытие. Если мы действуем ради самих себя, мы все бросаем в небытие. Девяносто процентов, да что там, все наши действия имеют такую ужасную судьбу, которой мы должны противиться». Поэтому если в нас не возрастает сознание о том, что наша жизнь служит чему-то более великому, если со временем оно «не ложится в основу всего, что мы делаем, то мы отбрасываем в небытие все»²¹⁵.

Действовать ради самих себя – значит все бросать в небытие, все становится эфемерным из-за нехватки глубины, смысла. Действия, дела, которые мы должны делать, не имеют адекватной цели. Жизнь сводится к видимости, становится плоской: еда, питье, семейная жизнь, работа, свободное время и т. д. В конце концов не остается ничего, ради чего стоило бы жить, ничто не в состоянии привлечь нас и сделать вещи вокруг значимыми. Ценность вещей зависит от их смысла и от интенсивности сознания, с которым мы живем.

Джуссани приводит один важный эпизод, случившийся в первые годы его преподавательской работы. «Помню (я об этом рассказывал, когда

²¹⁵ *Ibidem*. P. 135.

только начал читать религию в школе), однажды сразу после войны – тогда еще существовали вагоны для скота – я возвращался первым классом из Сан-Ремо, куда ездил по делам миланского „Каритаса“ (его возглавлял монсеньор Бикьераи). Но даже в первом классе люди сидели друг у друга на голове. Моим соседом был весьма изысканный пожилой господин лет семидесяти. Он сказал мне, что ездил в Сан-Ремо, чтобы сделать большое пожертвование одному монастырю. А потом добавил: „Знаете, я, – он не назвал своего имени, – добился всего, чего хотел добиться в жизни, у меня десятки цехов и предприятий, – он был крупный промышленник, – но я, дожив до семидесяти лет, спрашиваю себя, не потерял ли я жизнь“»²¹⁶.

Как сегодня можем мы научиться близости с Тайной, с Отцом, а значит, и тому отношению с реальностью, которое принес в историю Иисус? От этого зависит возможность не поддаваться искушению нигилизмом, подозрением о конечной несостоятельности реальности, самих себя, сомнением в положительности жизни. Что сегодня может породить детей, подобных Иисусу?

²¹⁶ *Ibidem*. P. 135–136.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДЕТИ В СЫНЕ

Мы видели, что в сознании Христа господствовала мысль об Отце, оно определялось мыслью об Отце. Поэтому, если мы следуем за Христом, если решаем следовать за Ним, «сознание о Боге должно проникнуть в то, что мы делаем; так постепенно, со временем, оно станет привычным. <...> Мысль о Боге тесно связана со всем, она совпадает с тем, каким образом ты смотришь на все: на жену и на самого себя, на добро и зло, так что добро не оборачивается гордыней, а зло не становится отчаянием»²¹⁷.

Тут может возникнуть вопрос. Иисус открыл перед учениками Свое сознание об отношении с Отцом. «Тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими»²¹⁸. А кто сегодня открывает его нам? В отношении с Отцом всегда вводит Христос. Но как?

²¹⁷ L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. P. 133–134.

²¹⁸ *Ин.* 1:12.

1. Компания верующих и харизма

Христос, как уже было сказано²¹⁹, вторгается сегодня в нашу жизнь, привлекая нас к Себе, посредством присутствия людей, посредством конкретной, определенной плоти, посредством убедительной встречи, благодаря которой мы можем пережить тот же опыт отношения с Ним, какой переживали первые Его ученики. Значит, именно в Сыне, в отношении со Христом, присутствующим здесь и сейчас, мы становимся детьми и учимся говорить «Отец», учимся признавать в творящей нас Тайне Отца. Иисус использует слово «Авва», оно выражает близкое отношение с Богом, до сих пор непредставимое, немислимое.

Как и две тысячи лет назад, мы становимся «детьми в Сыне» через веру и Крещение, в котором получаем Духа Святого, Духа Христа, «драгоценный и необходимый дар, делающий нас детьми Божиими»²²⁰ и членами Тела Христова – Церкви, «народа, объединенного из единства Отца, Сына и Святого Духа», как говорится в прекрасном изречении Киприана, которое процитировано в конституции *Lumen Gentium* (4), народа, обогащенного «иерархическими и харизматическими дарами», данными, чтобы мы могли разными способами вносить свою лепту в его созидание и в его миссию. Послание *Iuvenescit Ecclesia* посвященное как раз таки отношению между иерархическими и харизматическими дарами, напоминает о прин-

²¹⁹ См. здесь С. 64–74.

²²⁰ Бенедикт XVI. *Общая аудиенция*, 23 мая 2012 г.

ципе их «единосущности», сформулированном Иоанном Павлом II, и приводит слова папы Бенедикта XVI, утверждающего, что «в Церкви даже главные ее институты являются харизматическими, но, с другой стороны, и харизмы должны так или иначе институализироваться, дабы обладать последовательностью и длительностью. Так оба измерения, порожденные одним и тем же Духом для одного и того же Тела Христова, действуют сообща, чтобы явить в настоящем тайну и спасительное дело Христа в мире»²²¹.

Таким образом, движения и новые объединения, возникшие благодаря харизматическому дару Духа, являются важным свидетельством о том, что Церковь «возрастает благодаря не прозелитизму, а „привлекательности“»²²².

Папа Франциск не перестает призывать эти новые объединения к миссионерской открытости, к необходимости послушания пастырям и церковной имманентности, ибо «дары, которыми наполняет нас Отец, распускаются и цветут внутри общины, и именно в лоне общины мы учимся признавать в них знак Его любви ко всем Его детям»²²³.

Мы принадлежим Богу, Отцу, мы Его в самом радикальном смысле слова: мы Его творения. Но эта наша тварная зависимость «оставалась бы загадочным и мимолетным ощущением, если бы не была ясно открыта нам во Христе [в Его

²²¹ Конгрегация вероучения. *Iuvenescit Ecclesia*, 10.

²²² Франциск. *Evangelii gaudium*, 14.

²²³ Конгрегация вероучения. *Iuvenescit Ecclesia*, 10.

Духе]: „Бога не видел никто никогда: Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил“». Лишь в принадлежности Богу, ставшему Человеком и вошедшему в историю, проясняется «наша полная [и окончательная] зависимость, наша „созданность“»²²⁴. Принадлежим же мы Христу: «не нашей идее о Христе, а реальному Христу, Тому, Который продолжает пребывать в истории через единство верующих, соединенных с папой, епископом Рима»²²⁵.

Сегодня в Церкви Сын делает тайну Отца близкой нам и становится для нас событием через благодать встречи с харизмой (для нас – с харизмой, дарованной отцу Джуссани). Дух Божий в Своей бесконечной свободе и изобретательности способен воплотить в жизнь «тысячу харизм, тысячу способов приобщения человека к Себе во Христе. Харизма представляет собой как раз форму времени, пространства, характера, темперамента, психологическую, эмоциональную, интеллектуальную форму, с помощью которой Господь становится событием для меня и аналогичным образом – для других. Эта форма от меня передается другим, так что между мной и *этими* людьми устанавливается родство, какого нет со всеми остальными, более крепкие, более отчетливые братские узы. Именно так Христос продолжает пребывать с нами во все дни до скончания века в исторических обстоятельствах, которые определяет тайна Отца

²²⁴ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 86.

²²⁵ L. Giussani. *La verità nasce dalla carne.* P. 54.

и через которые она помогает нам признавать и любить Его присутствие»²²⁶.

Следовательно, харизма «есть очевидность События, присутствующего сейчас, потому что оно движет нами... она есть способ, посредством которого Дух Христов позволяет нам уловить Его исключительное присутствие, дает нам силы следовать за Ним простосердечно и любовно»²²⁷. Харизма делает Церковь живой и служит благу всей церковной жизни. «Всякий исторический способ, которым Он устанавливает связь с событием Христа, всегда „частный“: частный тип времени и пространства, темперамента, характера. Но это частность, которая готовит к целому»²²⁸.

Иоанн Павел II тонко подметил, что «самобытность харизмы, дающей жизнь тому или иному движению, не претендует (да она и не могла бы) на то,

²²⁶ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 130–131. В документе *Iuvenescit Ecclesia* говорится: «Харизматические дары „хотя... и даются отдельным людям, но также могут разделяться и другими, таким образом сохраняя свое существование во времени как драгоценное и живое наследие, порождающее особое духовное родство между людьми“ (Иоанн Павел II. Апостольское обращение *Christifideles laici*, 24: AAS 81 (1989), 434). Взаимоотношение личного характера харизмы и возможности быть к ней причастным выражает решающий аспект ее динамики, поскольку касается отношения, которое в церковном общении всегда связывает человека и общину (ср. *Там же*, 29: AAS 81 (1989), 443–446). На практике харизматические дары способны породить духовные общность, близость и родство, через которые харизматическое наследие, берущее начало от основателя, разделяется и углубляется, давая жизнь целым духовным семьям. Церковные объединения в их разнообразных формах предстают как разделенные харизматические дары (Конгрегация вероучения. *Iuvenescit Ecclesia*, 16).

²²⁷ Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 132–133.

²²⁸ Ср. *Там же*. С. 132.

чтобы хоть что-то прибавить к богатству *depositum fidei* [залога веры], которое Церковь оберегает ревностно и верно. Однако же она представляет собой мощную поддержку, волнующий и убедительный призыв полноценно, разумно и созидательно переживать христианский опыт. Это предпосылка для того, чтобы найти сообразные ответы на вызовы и неотложные потребности вечно меняющихся времен и исторических обстоятельств. В этом свете, признанные Церковью харизмы являются дорогами, ведущими к более глубокому познанию Христа и более щедрой отдаче себя Ему при одновременном все большем укоренении в общении со всем христианским народом»²²⁹.

Такая динамика хорошо описана в следующем свидетельстве: «Я вступила в Братство „Общшения и освобождения“ в этом году в возрасте пятидесяти девяти лет – в тот момент жизни, когда люди обычно завершают дела, а не начинают. Сразу скажу, что через многочисленных кузенов я крутилась вокруг Движения уже давным-давно. Послание отца Джуссани затронуло меня как бы по касательной. Меня привлекала возможность найти ответ на мой вопрос: „Кто я?“ Христианка дома, на обеде с семьей, а потом в школе – никто? Верующая на мессе по воскресеньям, а в киноклубе – кто-то еще? Каким образом совместить все, что я ощущала внутри себя не как багаж, полученный благодаря воспитанию, а как потребность, и то, с чем я сталкивалась во вне, с общим мышлением, сложившимся после 1968-го

²²⁹ Иоанн Павел II. *Послание по случаю Всемирного конгресса церковных движений*. Рим, 27 мая 1998 г.

года, с поверхностным и предвзятым суждением? Это был непреходящий вопрос, повсеместный поиск связующего элемента, который внес бы смысл в головоломку. Он нашел первый ориентир, первую конкретную возможность ответа в призыве отца Джуссани „насыщенно переживать реальность“. Речь, разумеется, о здоровом смысле, который я видела в моих дедушках и бабушках, чья вера не была отделена от жизни, чей каждый жест был естественным образом проникнут верой, согласно самой их природе. Я же в повседневной жизни ставила все под вопрос, и все утрачивало логику, вело к замешательству, разделенности, поверхностности в отношениях, в том, чтобы не прикасаться к клавишам, которые не должны звучать. Но я услышала, как бы подслушала учителя, указывавшего мне путь, решение. С этой малостью – „переживанием реальности“ – я и шла вперед. Жизнь была насыщенной: четверо детей, куча работы, множество трудностей и успехов. Жизнь была полной, последовательной, она протекала в непрестанном поиске, потому что все старания и все „делание“ являлось поиском, желанием, продвижением на ощупь, проверкой разных дорог, любых, по каким только можно пройти. Я молила о скорейшем подтверждении, о поддержке, но не находила их. Я получала похвалы за мою последовательность или упреки за мою чрезмерность, получала суждения, но не общение. А потом случилось непредвиденное, событие. Кто-то, не оставив мне путей к отступлению, сказал: „Есть ли внутри тебя живой Христос?“ Это был не ответ, а вопрос. И ответ уже стоял прямо передо мной, у него было лицо: живой Христос сегодня рядом со

мною, внутри. Не Христос, грядущий лишь в конце, но присутствующий уже сегодня, здесь и сейчас. Для меня. Тот момент изменил мою жизнь. И тогда изменилась и моя молитва. Я больше не набираю очки в утомительных попытках следовать предустановленным шаблонам, а переживаю близость, слушаю, ожидаю, отдаюсь. Изменилось и то, как я действую в реальности: я „живу ею“ бок о бок с Присутствием, а потому смотрю на нее иным взглядом – тем же, который ощутила на себе, взглядом, меняющим людей перед тобой, ведь ты и сама изменилась. Все, что я в жизни читала и старалась усвоить, выучить, понять, оказалось чем-то другим: не бременем, а очевидностью. И очевидность эта, когда идешь до ее глубины в компании, – музыка для моей души, которую я всегда искала.

Компания, порожденная харизмой в Церкви и для Церкви, поражает нас, и мы чувствуем ее притягательность потому, что она «превращает встречу с этим Человеком в конкретный опыт, выводит Его из области абстрактного и помогает ощутить Его как нечто действительное, чем можно жить сейчас. Компания не идея, не рассуждение, не логика, а факт, присутствие, подразумевающее отношение принадлежности»²³⁰.

2. Авторитет: отцовство в настоящем

Конкретная компания, в рамках которой происходит встреча со Христом, становится «местом

²³⁰ Ср. Л. Джуссани, С. Альберто, Х. Прадес. *Указ. соч.* С. 86.

принадлежности нашего „я“, где оно достигает наивысшей способности ощущать и чувствовать вещи, воспринимать их интеллектуально и судить о них, где появляется особый способ пускать в ход воображение и строить планы, решать и делать. Наше „я“ принадлежит этому „Телу“ – христианской компании – и в нем черпает конечный критерий подхода ко всем вещам. Поэтому такая компания – единственная возможность для нас существовать в реальности, соприкоснуться с реальностью и самим быть реальными»²³¹.

Спросим себя теперь вместе с отцом Джуссани: «Каков наиболее важный фактор для существования народа, в который мы призваны, компании, частью которой мы являемся?» И вот его ответ: «Наиболее важный фактор для существования народа – то, что мы называем *авторитетом*»²³². Авторитет – важнейший фактор для существования народа, поскольку без авторитета народ не рождается. Авторитет есть место, где становится очевидной победа Христа, где Христос доказывает, что убедительным образом отвечает потребностям сердца. «Авторитет есть личность, глядя на которую, видишь, что слова Христа соответствуют сердцу. Именно это ведет народ»²³³.

²³¹ Ср. Там же. С. 85.

²³² L. Giussani. *La gioia, la letizia e l'audacia. Nessuno genera, se non è generato // Tracce-Litterae communionis*. N. 6. 1997. P. II.

²³³ Из беседы отца Джуссани с группой членов *Memores Domini* (Милан, 29 сентября 1991 г.). См. *Кто Сей?* День начала года для взрослых и студентов из «Общения и освобождения». Милан, 28 сентября 2019 г.

В нашем обществе на слово «авторитет» часто смотрят с подозрением, отождествляя его с подчиняющей себе властью или с персонализмом, чья цель – привязать людей к себе. Однако в жизни Церкви, в народе Божиим, авторитет – подчеркивает отец Джуссани – не является и не может являться таковым: «Авторитет, наставник есть самая настоящая противоположность власти, нет в нем ни черточки, ни штришка от слова „власть“. И потому нет и намека, если говорить о понятии авторитета в народе Божиим, ни на каком уровне нет и намека на какой-либо след страха, ибо власти соответствует страх, и, чтобы освободиться от страха, человек должен пустить власть побоку»²³⁴.

Что же тогда характеризует отношение с авторитетом, принадлежность народу Божьему? Отношение это хорошо выражено словом «сыновство»²³⁵, как понимает его Пеги, различающий, что значит быть учениками и быть детьми: принадлежность подразумевает сыновство, а не ученичество, не повторение. Именно путем родственной связи в нас проникает отличительный признак подлинной компании, самобытность харизмы, «той формы

²³⁴ Там же.

²³⁵ Пеги пишет: «Когда ученик только повторяет, только и делает, что повторяет, не смею даже сказать, то же звучание, потому что это уже лишь жалкая калька; когда ученик – всего лишь ученик, он, будь он даже величайшим из учеников, ничего не порождает. Ученик начинает что-то творить, когда сам вносит новое звучание (то есть когда он уже больше не ученик). Не то что учителя не нужны, но человек должен происходить от другого естественным путем сыновства, а не возвращаться схоластическим путем» (Ср. Ch. Péguy. *Cahiers*. VIII, XI [3.2.1907]).

наставления, которой мы вверены»²³⁶. Джуссани напоминает, что по отношению к авторитету мы дети. «Сын берет корни от отца, перенимает их, он сформирован тем, что передается ему от отца, он состоит из своего отца. И потому он весь охвачен. Авторитет охватывает меня всего, это не слово, которое внушает мне страх или боязнь или за которым я первым решаю следовать. Он охватывает меня... И поэтому из слова „авторитет“, синонимом к которому может быть слово „отцовство“, способность порождать, генерировать, передавать *genus* (род – лат.), передавать корень жизни, то есть событие, в силу которого мое „я“ охвачено и изменено этим отношением, – из слова „авторитет“ вытекает слово „свобода“, авторитет порождает свободу. Быть детьми – свобода»²³⁷.

Авторитет есть отцовство в настоящем. Чтобы быть «детьми в Сыне», чтобы быть детьми во Христе – не во Христе наших мыслей, а в реальном Христе, присутствующем здесь и сейчас, иначе говоря, чтобы войти в отношение с Отцом, нужно переживать опыт отцовства в настоящем: необходимо присутствие, порождающее нас как детей. Джуссани утверждает: «Иметь отца – неизменный порядок вещей, являющийся частью истории человека. [Каждого человека, учитывая, что у каждого есть отец. Да-

²³⁶ Речь об известной фразе Ратцингера: «Вера есть послушание сердца той форме наставления, которой мы вверены» (J. Ratzinger. *Intervento di presentazione del Catechismo della Chiesa Cattolica // L'Osservatore Romano*. 20 gennaio 1993. P. 5). Ср. Рим. 6:17.

²³⁷ L. Giussani. *La gioia, la letizia e l'audacia. Nessuno genera, se non è generato*. P. II.

лее – самое важное.] Пойди я в 1954 году не в лицей Берше, а в какой-нибудь еще, все сложилось бы совершенно иначе. Порядок вещей остается неизменным, но порождение – которое и интересно в отцовстве – есть присутствие, есть нечто, происходящее в настоящем»²³⁸.

Без такой родственной связи, без опыта, что кто-то нас порождает, наша личность не расцветает, невозможна подлинная креативность. «Никто не порождает, сам не будучи порождаем. Не „если не был порожден“, а если „не порождает“. Такое представление об отцовстве наиболее неприемлемо для культуры Просвещения»²³⁹. Зачастую неприемлемо оно и среди христиан, среди нас, по благодати встретившихся с харизмой, дарованной отцу Джуссани, через которую нам посчастливилось новым, живым образом открыть для себя то, о чем мы говорим.

«Человек не может быть отцом, родителем, если у него нет никакого отца. [Обратите внимание!] Не „если у него не было“ [отца], а если „нет“ [в настоящем] никакого отца. Ибо если у него нет никакого отца, значит, мы говорим не о событии... порождения не происходит. *Порождение – акт настоящего времени*»²⁴⁰.

Иисус подводит нас к Своему близкому отношению с Отцом, призывая нас переживать отцовство в настоящем времени в рамках той компании, в которую Он привлек нас. Такое отцовство есть путь, на

²³⁸ *Ibidem*. P. IV.

²³⁹ *Ivi*.

²⁴⁰ *Ibidem*. P. II–IV.

котором становится нашим – твоим и моим – Иисусово отношение с Отцом. Чтобы такая новизна проявилась, чтобы отношение с Отцом всецело объяло нашу жизнь и превратилось в критерий любых наших мыслей и действий, даже самых обычных и банальных, необходимо, следовательно, отцовство *сейчас*, необходимо, чтобы нас *сейчас* порождало присутствие, в котором Христос становится опытной, очевидной, убедительной реальностью. Быть детьми в Сыне можно лишь в том случае, если кто-то порождает нас сейчас. Без такого порождения в настоящем отношении с Отцом не сможет стать в нас сознанием и жизнью, и никакие усилия не будут в состоянии вырвать нас из небытия.

Джуссани несравненным образом подчеркнул жизненно важную потребность в этом «сейчас»: «Словом „событие“ называется происшествие, с которого все не просто началось: оно пробуждает настоящее, определяет настоящее, наполняет настоящее содержанием, делает настоящее возможным. То, что мы знаем, или то, что мы имеем, становится опытом, если то, что мы знаем или имеем, дается нам сейчас: вот рука, протягивающая нам все это сейчас, вот лицо, выступающее на первый план сейчас, вот кровь, проливающаяся сейчас, вот воскресение, происходящее сейчас. Вне этого „сейчас“ нет ничего! Наше „я“ способно приходить в движение, испытывать волнение, то есть меняться, только лишь благодаря современности – событию. Христос – это то, что происходит со мной сейчас. Итак, чтобы то, что мы знаем (Христос, все слова о Христе) стало опытом, необ-

ходимо настоящее, провоцирующее и потрясающее нас; настоящее как оно было настоящим для Иоанна и Андрея. Христианство – Христос – есть именно то, чем оно было для Иоанна и Андрея, когда они шли за Ним следом; представьте себе, как они были изумлены, когда Он обернулся! А когда они отправились к Нему домой... Так происходит всегда, вплоть до сегодняшнего дня, вплоть до этого момента!»²⁴¹

Однако недостаточно иметь в настоящем такое отцовство, я должен быть готов позволить ему породить меня. От готовности быть детьми целиком и полностью зависит плодотворность нашей жизни. «Об этом Иисус говорил Никодиму: „Тебе нужно родиться снова“. „Как это, родиться снова? Должен ли я возвратиться в материнскую утробу, чтобы родиться во второй раз?“ – „Кто не родится снова, не сможет понять истину реальности, истину вещей“. Такое понимание и есть новое рождение»²⁴². Тот, кто соглашается следовать за Ним, становясь чадом, с удивлением заметит новизну, которая начинает происходить в его жизни.

3. Послушание

Джуссани призывает нас сделать еще один шаг, который ему представляется решающим для роста нового самосознания. Выше мы говорили: обра-

²⁴¹ Л. Джуссани. *Пасхальный плакат «Общения и освобождения»*, 2011.

²⁴² L. Giussani. *La convenienza umana della fede*. P. 130.

щаться – значит возвращаться к вере как к *признанию*, как к постижению новизны в нас и среди нас и как к *послушанию*. Мы обещали, что еще вернемся к этому слову.

«Послушание, к которому призывает нас такое постижение, вынуждает, если хотите, „пройти сквозь строй“, у него есть этакий прут, и с ним неминуемо нужно считаться: нужно считаться с тем, что мы называем „авторитетом“. То, о чем я напоминаю, верно для авторитета Церкви, созданной Христом, для епископа в единении с другими и с папой, и по аналогии приложимо и к более низким, но реальным и решающим с педагогической точки зрения уровням, к любому присутствию фактора „авторитета“, „авторитетности“ в христианской жизни»²⁴³.

Необходимо с вниманием отнестись к этому пункту, поскольку «без этого знака – авторитета – между нами не было бы компании, не было бы тайны Церкви, не было бы нового народа, идущего по миру ради блага мира: без авторитета не было бы новизны, которую Христос призвал нас переживать вместе»²⁴⁴.

Говоря в 1975 году о пути обращения, Джуссани замечал, что «отношение с фактором авторитетности, или авторитета, играет решающую роль с педагогической точки зрения: пренебрегая этим фактором, мы превращаемся в прах, который самое легкое дуновение разметает и рассеивает

²⁴³ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Giornata d'inizio anno di CL. Milano. 14 settembre 1975.

²⁴⁴ L. Giussani. *Un avvenimento nella vita dell'uomo*. P. 229.

по всему лицу земли, мы вновь становимся колеблющимися младенцами, о коих говорит святой Павел [в четвертой главе Послания к Ефессянам], „...увлекающимися всяким ветром учения, по лукавству человеков, по хитрому искусству обольщения“». Поэтому – продолжает он – «авторитет среди нас – это не культурное мнение, подлежащее обсуждению, не предложение какого-то мнения, подобного всем прочим: функция авторитета есть предложение, от которого зависит единство всего нашего человеческого и христианского опыта»²⁴⁵.

В следующем абзаце подчеркивается природа авторитета и природа отношения, к которому он, исходя из вышеизложенного, призывает каждого из нас: «Авторитет, предлагая опыт жизни, касающийся даже частностей, требует вовлечения всей нашей личности: авторитет есть высший знак Тайны, Тайны замысла Отца. Он есть высший знак Тайны, пребывающей среди нас как история, которая находится в процессе становления, делается, разворачивается». Поэтому, то есть потому, что авторитет есть высший знак Тайны, пребывающей среди нас, «внимательная преданность функции авторитета есть послушание, проистекающее из послушания Господу, а не из желания оказаться правым в дискуссии, и именно перед ним проявляется вера. И поэтому авторитетность среди нас может существовать только в рамках реальной верности единству всего Движения; аналогично, Движение не обладало бы никакой авторитетно-

²⁴⁵ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Giornata d'inizio anno di CL. Milano, 14 settembre 1975.

стью, если бы всерьез не старалось переживать такую преданность авторитету, установленному Христом»²⁴⁶.

Этот отрывок предлагает нам знаки, критерии, позволяющие распознать и оценить любую «авторитетность» внутри христианской компании, в которую мы попали. Джуссани очень точен в своем описании. «То, что мы говорим о Движении, всегда носит воспитательный характер. Наши попытки – воспитательные попытки делать более зрелым чувство Церкви в нашей жизни: [Движение] есть опыт того, что Господь призвал нас жить с такой целью. Поэтому, если авторитет не утверждает себя и не ощущается и не воспринимается в свете глубокой верности жизни всего Движения, верности единству Движения, его позиция не сохраняется, за ним не следуют. Или же, если ему удастся заставить следовать за собой, он деспотичен, за ним следуют из-за деспотизма (а потому он ведет к отчуждению), из-за того, что он в каком-то смысле навязывает себя. Авторитет, понимаемый с точки зрения мира, – это камень преткновения, а не созидания»²⁴⁷.

Подлинный авторитет – существенный созидательный фактор. Авторитет, понимаемый с точки зрения мира, то есть как власть, является отчуждающим деспотизмом, камнем преткновения и ничего не созидает. Эти замечания переступают границы христианского опыта: мы говорим о нужде и о понятиях, которые касаются

²⁴⁶ *Ivi.*

²⁴⁷ *Ivi.*

всех, и верующих, и неверующих. То, что происходит в христианском опыте, представляет собой усиление, реализацию человеческой динамики. Следовательно, какими бы ни были конкретные фигуры, подлинный авторитет (*auctoritas*, «то, что способствует росту») – обязательный фактор роста „я“, созидания нашей личности. Опыт авторитета выражается в нашей жизни как встреча с человеком, обладающим богатым сознанием о реальности; он вводит нас в совокупность обстоятельств, воплощая в самом себе «гипотезу о смысле», которая позволяет должным образом эти обстоятельства истолковать и подступаться к ним, и в то же время призывая нас испытывать предложенную гипотезу, лично проверять ее состоятельность. Джуссани, таким образом, доходит до утверждения: «В некотором смысле авторитет есть мое наиболее истинное „я“. Однако сегодня авторитет зачастую преподносится и ощущается как нечто чуждое, „добавленное“ к личности. Авторитет остается за рамками сознания, даже если человек с почтением принимает его как ограничение»²⁴⁸.

Когда отчужденность преобладает, мы видим в авторитете препятствие для роста нашего «я», а не то, что ему способствует. Именно в силу такой отчужденности, продвигаемой и переживаемой, «сегодняшняя культура считает невозможным познание и изменение самих себя и реальности „только“ посредством следования за одним человеком. В нашу эпоху человек не рассматривается

²⁴⁸ L. Giussani. *Il rischio educativo*. P. 84.

как инструмент познания и изменения, поскольку восприятие и того, и другого урезано: первое [познание] понимают как аналитическую и теоретическую рефлексию, второе [изменение] – как соблюдение правил. Иоанн же и Андрей, первые двое, столкнувшись с Иисусом, именно благодаря следованию за тем исключительным Человеком научились иначе познавать и менять самих себя и реальность. С первого момента первой встречи метод стал развиваться во времени»²⁴⁹.

В сильном автобиографическом романе «Первый человек» Камю свидетельствует нам об образующей человеческой потребности в авторитете, который бы не добавлялся к нашему «я» извне, в авторитете, несущем в себе отцовство: «Я пытался с детства, еще совсем ребенком, разобраться сам, что хорошо, а что дурно, ибо никто из окружающих не мог мне этого объяснить. А теперь я чувствую, что мне не на что опереться, что мне необходим кто-то, кто указывал бы мне путь, хвалил или порицал меня, но не по праву власти, а по праву своего авторитета, мне нужен отец»²⁵⁰.

Именно это и совершается в христианском опыте во всей своей сущности. «Для созидания нужна твердая, совершенно непоколебимая почва, а иначе созидать не получается. А что у нас есть твердого и надежного, если не тайна Христа, Который пребывает среди нас и в Котором мы уверены в силу пребывания в Его Церкви, в силу послуша-

²⁴⁹ L. Giussani. *Dalla fede il metodo*. P. 18.

²⁵⁰ А. Камю. *Первый человек* // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Харьков: Фолио, 1998. С. 237.

ния авторитету этой Церкви, которое дорого нам обошлось и обойдется еще дороже?»²⁵¹

Подчеркнув важность послушания, Джуссани (напомним, его слова относятся к 1975 году, но сохраняют актуальность и в нашей ситуации) возвращается к исходному пункту своего размышления и предостерегает своих слушателей с помощью антитезы: «Я хотел бы, чтобы все вы хорошенько задумались над этой антитезой, с которой я связываю опасность отделения корня, который подпитывает, истока, который подпитывает разумность нашей веры и нашей воли, энергии нашего христианского усердия, от всей той деятельности, какой требуют от нас исторические обстоятельства, в которые Бог дал нам жить. К сожалению, нам выпало жить во времена, когда нельзя оставаться в кресле, потому как дом горит. Человеческий дом горит. <...> В этой антитезе я вижу опасность, способствующую разъединению корня и цветения, из-за которого растению, оторванному от корня, суждено засохнуть: антитеза в том, чтобы присутствовать в Движении, в общине, в самой христианской жизни как таковой ради поиска собственного удовлетворения или же ради поиска собственного обращения»²⁵².

Радикальность и ясность приведенной антитезы заставляет нас взглянуть на самих себя, делает это в некотором смысле неизбежным. Опасность, искушение для каждого из нас состоит в том, чтобы

²⁵¹ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Giornata d'inizio anno di CL. Milano, 14 settembre 1975.

²⁵² *Ivi*.

скатываться до «попыток утверждать самих себя согласно нашим собственным мыслям, чувствам, интересам, а не обратиться в том, что касается критериев, определяющих наши мысли, чувства, интересы. Не случайно Господь первым делом использовал слово „метанойя“: нужно поменять критерии оценки. Ценность жизни, а значит, и ценность Движения, общины, ценность усилий, предпринимаемых в „Общине и освобождении“, не в том, насколько они удовлетворяют важные для тебя интересы (потому что приносят уважение, дружбу, отношения с девушкой, с парнем, позволяют продвигать твои идеи); ценность заключается в обращении к вере, происходящем [в тебе]. Так давайте сосредоточимся на этом»²⁵³.

4. «Во сто крат уже сейчас»

Самый простой призыв к обращению для нас и для других людей содержится в доходящих до нас свидетельствах из жизни. Поэтому позволю себе привести два из множества, которыми мы по благодати окружены.

До начала пандемии я получил следующее письмо с простым примером непрерывного обращения, о котором мы говорим.

«Прошлый год оказался весьма тяжелым. Мой муж и я были полностью погружены в нашу новую работу и довольно скоро осознали, что теряем себя. Мы всего лишь выживали, и это даже

²⁵³ Ivi.

привело к серьезным сложностям в отношениях между нами. У нас ни на что не хватало времени, было слишком мало друзей, и все они жили далеко. В определенный момент нам пришлось остановиться и спросить себя, что мы упустили. Мы решили сделать шаг назад в наших карьерах и вернуться к работе над школой общины²⁵⁴, которую забросили на месяцы. Чтобы вместе ходить на школу общины, мы вынуждены были нанять няню (оплата ее услуг прибавилась к оплате няни, сидевшей с детьми в дневные часы) и решить именно так проживать единственный вечер, который могли проводить вместе. Мы сразу же осознали, что, участвуя в школе общины, становились счастливее. Это было очевидно и помогало и отношению между нами. Меня удивило, как тепло нас приняли (я и не могла такого и представить), и каждую неделю я изумлялась новым людям. Для меня то, как многие рассказывают о встрече со Христом в каждый момент их пути, или задаваемые вопросы – возможность вновь встретиться с тем же Присутствием, которое покорило меня в начале. Это опять происходит для меня! Я провела в Движении пятнадцать лет и никогда не была так счастлива ходить на школу общины. Мы стараемся совершать эту работу и в течение недели, и она озаряет наши дни. Школа общины учит меня иному взгляду на реальность, более истинному, более цельному. С тех пор как мы возобновили следование, в нас больше открытости перед людьми,

²⁵⁴ Имеется в виду постоянная катехизация, проводимая «Обществом и освобождением».

с которыми мы встречаемся, ведь во всех мы желаем признавать отзвук Его присутствия и во всем желаем переживать ту же наполненность сердца. Христос вошел в мою жизнь через взгляд, исполненный сострадания и симпатии к моей личности, и только он по-настоящему соответствует моему истинному желанию. Все остальное возникает позже. Мы осознали, что можем уловить Его отголоски где угодно благодаря обновлению первой встречи. Сейчас у нее множество лиц! Поразительно замечать Его компанию в наших соседях, в священнике из прихода, в наших коллегах или в жизненных мелочах, помогающих нам уже тем, что они просто случаются. Работа, проделанная в этом году в следовании за Движением, оказалась бесценной: мы признали то, что действительно нас поддерживает, а наша вера стала более зрелой, более сознательной, взрослой, свободной и радостной. Спасибо за помощь на этом пути открытий и сознательности. „Без Меня не можете делать ничего“, – говорит Иисус на Тайной вечере. В силу пережитого опыта можем подтвердить, что это так».

Как пишет святой Бернард, «мы не можем сохранить и удержать полученное от Бога без Него»²⁵⁵. Иными словами, если Он постоянно не присутствует в настоящем, если мы не идем за Ним, нам не удастся воспроизвести плоды, которых мы вкусили. Путь к истине – опыт, в этом вся гениальность воспитательного метода Джуссани.

²⁵⁵ San Bernardo. *Sermone I, 1 // Sermoni sul salmo 90 / A cura dei Monaci Benedettini di Praglia. Bressio di Teolo (PD): Edizioni Scritti Monastici, 1998. P. 7–8.*

Хочу предложить и второе свидетельство, важное с точки зрения новизны жизни, о которой в нем говорится. Это рассказ молодой женщины, которой не удается иметь детей. «Четыре года назад я вышла замуж, и мы с мужем сразу же стали ждать ребенка, ребенка, который не появился до сих пор. Были по-настоящему трудные моменты, когда обязательным пунктом в моем распорядке дня стоял плач, и никто, ни муж, ни друзья, не могли меня успокоить. Все для меня зависело от ребенка, который не появлялся (как говорит отец Джуссани, я отождествляла полноту жизни с чем-то частичным, словно единственная возможность моего счастья заключалась в ответе на мое желание материнства, каким я его себе представляла). В определенный момент мой муж сказал мне: „Пойдем к священнику, который нас венчал“. Зная, что первым делом тот спросит, читаю ли я школу общины, я заранее приняла меры и начала читать, чтобы не пришлось все время отвечать ему нет. Мы тогда работали над книгой „Зачем Церковь“, и в одном месте Джуссани говорит: „Функция Церкви в истории состоит в материнском напоминании об истинном положении вещей: о зависимости человека от Бога. <...> Если жить с осознанием собственной изначальной зависимости... возникают условия, позволяющие с большей легкостью находить решение проблем. <...> Тогда взгляд был бы направлен к Тому, что превосходит отдельную проблему, к Тому, что может обеспечить всему перспективу благого пути“²⁵⁶. Какое

²⁵⁶ Ср. Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 170, 171, 173.

облегчение! Кроме школы общины у меня были мой муж и друзья. Однажды моя подруга позвонила мне и сказала: „Ну забеременеешь, станешь счастливой, но потом поймешь, что даже этого мало. Вопрос в том, на что опирается наша жизнь“. Необъяснимым образом я сразу же перестала плакать, и дня не прошло. Я изменилась, успокоилась. И изменилась я не благодаря определениям, а благодаря лицам и фактам. Я поняла, что иду по пути, и теперь смотрю новым взглядом на сложные для меня вещи, которые никуда не делись. Я обнаруживаю в себе радость, исходящую не от меня и позволяющую мне всецело довериться замыслу Иного, Который в последнее время наполняет меня благодарностью. Сложности остаются, но я могу спокойно смотреть на них. Святой Августин говорил: „Не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе“. Нужно, чтобы что-то Иное наполнило мою жизнь, и тогда я смогу отпустить собственные мысли. Я не в состоянии устранить мое желание, оно есть. Но у меня больше нет претензий на то, чтобы ответ пришел так, как я себе представляю. Я нахожусь в позиции ожидания, я жду ответа Иного на мое желание, и все во мне устремлено к тому, чтобы этот ответ уловить. Когда начинаешь со Христа, сложности – уже не придавливающее тебя бремя. Как только я отхожу от Христа, в меня проникают тревога и страх, во мне побеждают мои мысли, побеждают слезы. Напротив, когда я начинаю с Него, окончательное мое суждение – радость и глубокое умиротворение, которые охватили мою жизнь. И глядя на мою жизнь, я понимаю, что Он не обманывает. Когда

я решаю начинать со Христа, присутствие Господа делает жизнь более истинной, полной вкуса, более человеческой, более прекрасной. И это чудо для меня и для других людей».

Как не умолкнуть в изумлении перед таким свидетельством о человечности, измененной во встрече с воплощенным Христовым присутствием! Понять его важность нам помогает утверждение Джуссани: «Христос пришел не для того, чтобы сказать: „Кто следует за Мной, удовлетворит все свои капризы, все свои замыслы и интересы“. Нет! Он сказал: „Кто следует за Мной, пусть изменит свои критерии, пусть начнет менять критерии оценки, оценочного суждения“. И поступая так, человек получит во сто крат даже от того, что, как ему казалось, он потерял. „Кто следует за Мной, будет иметь жизнь вечную и получит во сто крат уже в этой жизни“. Нет в мире более ясного и четкого обещания, ибо оно бросает нам вызов на уровне опыта. „Кто следует за Мной, станет больше, обретет больше, во сто крат больше“. Но нужно „следовать“!»²⁵⁷

Тот, кто соглашается идти за Ним, быть чадом в Сыне, становится новой личностью, «новым главным героем на сцене мира»²⁵⁸, как говорил отец Джуссани на Синоде епископов, посвященном мирянам, в 1987 году.

В этом состоит новизна нашей миссии в мире. «Смысл нашего личного и коллективного при-

²⁵⁷ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Giornata d'inizio anno di CL. Milano, 14 settembre 1975.

²⁵⁸ L. Giussani. *L'avvenimento cristiano*. Milano: Bur, 2003. P. 23–25.

сутствия в мире, наша способность встречаться с людьми, эта наша способность встречи основана лишь на новизне, новизне жизни, переживаемой на опыте сегодня. Только в той мере, в какой мы сегодня переживаем опыт отношения со Христом и, благодаря Его присутствию, опыт новых отношений между нами, только в той мере, в какой мы переживаем этот опыт сегодня, мы сможем умножить человечность вокруг, умножить мир между людьми вокруг»²⁵⁹.

5. «Для мира достойна веры лишь любовь»

Я хотел бы закончить пожеланием, с которым Джуссани обратился к тем, кто слушал его в Милане в сентябре 1975 года, чтобы каждый из нас мог сохранить его в своем сердце как помощь на ожидающем нас повседневном пути: «Мы всегда будем по горло в трудностях, моральных и физических, личных и общественных, но никогда не падем, как говорит святой Павел в четвертой главе Второго послания к коринфянам: „Сокровище сей благодати Христовой мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам [это не наша заслуга, мы всего лишь глиняные сосуды]. Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низ-

²⁵⁹ FCL. *Documentazione audiovisiva*. Giornata d'inizio anno di CL. Milano, 14 settembre 1975.

глаемы, но не погибаем. Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем“, а значит, и в мире»²⁶⁰.

Если мы будем верны благодати, достигшей нас через харизму отца Джуссани (мы, привлеченные этой харизмой и желающие следовать за ней), если для нас жизнь в Движении есть личное обращение к Событию, происходящему в настоящем, если мы «сосредоточены на Христе и Евангелии», мы сможем быть «дланиями, руками, ногами, умом и сердцем Церкви, идущей в мир»²⁶¹ и вместе с папой трудиться ради будущего Церкви в мире, будущего, предвозвещенного кардиналом Ратцингером на Рождество в далеком 1969 году: «Будущее Церкви сможет наступить, да и сегодня наступит только благодаря силе тех, кто глубоко укоренен в своей вере и живет ею в чистой полноте. Оно не придет от тех, кто лишь выписывает рецепты. Оно не придет от тех, кто раз за разом подстраивается под мимолетный момент... Скажем в утвердительной форме: и в этот раз, как и всегда, будущее Церкви родится от новых святых. <...> И в этот раз от сегодняшнего кризиса завтра родится Церковь, которая многое утратит. Она станет меньше, ей придется все начать заново. Она уже не сможет заполнить те многочисленные здания, что она воздвигла в период процветания. Она не только потеряет в числе приверженцев, но и утратит многие привилегии в обществе. Она предстанет – гораздо

²⁶⁰ *Ivi.*

²⁶¹ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. Площадь Святого Петра, 7 марта 2015 г.

отчетливей, чем в прежние времена, – как добровольная община, в которую вступают лишь по свободному решению. Она, будучи маленькой общиной, с куда большей силой пробудит инициативу отдельных своих членов. <...> Она вновь признает в вере и в молитве свое средоточие и вновь увидит таинства как богослужение, а не как проблему литургического порядка. <...> Можно предположить, что на все это потребуется время. Процесс будет долгим и утомительным... Но после испытания таким разделением из одухотворенной и ставшей простой Церкви изольется великая сила. Действительно, люди окажутся невыразимо одинокими в тщательно распланированном мире. Когда Бог для них полностью исчезнет, они ощутят свою всецелую и устрашающую нищету. И тогда они откроют для себя маленькую общину верующих как нечто совершенно новое, как надежду, касающуюся и их, как ответ на вопросы, которые они всегда тайком задавали себе. Мне кажется несомненным, что Церковь ожидают очень трудные времена. <...> Но Церковь познает новый расцвет, и люди увидят в ней отчизну, дающую жизнь, и надежду, превосходящую смерть»²⁶².

Словно эхом отзываясь на это «пророчество», на новую перспективу, открывающуюся перед нами в настоящее время, Джуссани говорил немногим менее пятнадцати лет после Ратцингера: «Вот, настал момент, когда хорошо было бы, если б нас

²⁶² J. Ratzinger. *Fede e futuro*. Brescia: Queriniana, 1984. P. 112–117.

осталось только двенадцать во всем мире»²⁶³. Им двигало не высокомерие и не стремление к монополии, а сознание, что мы словно вернулись к исходной точке, к началу всего. И как в начале, единственная вещь, способная вырвать нас из небытия, – это опыт новизны жизни здесь и сейчас.

Только такой новизне можно сегодня верить. «Присущую ему формирующую плодородность пшеничное зерно христианства сохранит лишь в том случае, если не будет замыкаться в иллюзорной, самое себя приговорившей к стерильности частной форме, отъединенной от формального многообразия мира, но, напротив, по примеру Учителя, поступится собой и пожертвует своей частной формой, не боясь страха: быть отпущенным и самому отпускать. Ибо веры этого мира достойна лишь любовь»²⁶⁴.

²⁶³ L. Giussani. *Certi di alcune grandi cose (1979–1981)*. Milano: Bur, 2007. P. 396.

²⁶⁴ X. У. фон Бальтазар. *Достойна веры лишь любовь*. М.: Истина и жизнь, 1997. С. 112.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ **3**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НИГИЛИЗМ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ **5**

1. Сомнение в конечном содержании реальности и в положительности жизни 5
2. Утрата смысла, соразмерного жизни 11
3. Свобода перед выбором 15
4. Неискоренимое желание 20
5. Крик, подразумевающий существование ответа 23
6. «Ты», внимающее крику 28

ГЛАВА ВТОРАЯ

«КАК ЗАПОЛНИТЬ ЭТУ БЕЗДНУ ЖИЗНИ?» **31**

1. Неудовлетворительные попытки 31
2. Наша человечность 40
3. «Способность ощущать человека во всей его цельности» 45

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«CARO CARDIO SALUTIS» **49**

1. Присутствие во плоти 49
2. Еврей Иисус из Назарета 57
3. Событие 64
4. Чтобы уловить истину, достаточно искреннего внимания 74
5. Признание, называемое верой 77
6. Свобода и доверие 79

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПУТЬ ДЛИНОЙ В ЦЕЛУЮ ЖИЗНЬ **85**

1. Необходимость пути 86
2. Испытание утверждать самих себя 92
3. Обращение – постоянное возвращение к вере 98

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОТНОШЕНИЕ С ОТЦОМ **109**

1. Наша жизнь зависит от Другого 109
2. Следовать за Иисусом – быть детьми 119
3. Зло – это забвение 127

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ДЕТИ В СЫНЕ **131**

1. Компания верующих и харизма 132
2. Авторитет: отцовство в настоящем 138
3. Послушание 144
4. «Во сто крат уже сейчас» 151
5. «Для мира достойна веры лишь любовь» 157

В новой книге президент Братства «Общение и освобождение» размышляет о сегодняшних головокружительных временах, когда небытие грозно нависло над жизнью каждого, заставив сомневаться в положительности существования и конечном смысле реальности, отчего кажется, будто всему суждено кануть в пустоту, в том числе и нам самим. В этом контексте, как ни парадоксально, становится очевидной невыносимость жизни без смысла и нерушимое желание быть любимыми и любить. Книга предлагает захватывающий взгляд на происходящие события и на наши несостоятельные попытки выживать среди рассеянности и забвения.

Каррон пишет о поисках ответа, созвучного вызову: о «Ты», которое вняло бы крику нашей человечности и пробудило бы в нас любовь к себе самим и к нашей жизни; о встрече с живой христианской общиной, которая делает увлекательной совместную дорогу. Он свидетельствует о вере, проникающей в опыт и порождающей новое познание и новую привязанность, о вере, способной оценивать все то истинное, прекрасное и благое, с чем мы сталкиваемся на нашем пути.

ХУЛИАН КАРРОН родился в 1950 году в Наваконсехо в Испании. Рукоположен в 1975-м, преподавал Священное Писание в Университете св. Дамаса в Мадриде. В 2004-м переехал в Милан по просьбе отца Джуссани, чтобы разделить с ним руководство движением «Общение и освобождение». С 19 марта 2005 года является президентом Братства «Общения и освобождения». С 2004-го преподает богословие в Католическом университете Святого Сердца в Милане. В 2015-м вышла в свет его книга «Безоружная красота» (*Bellezza disarmata*), в 2017-м – «Где Бог?» (*Dov'è Dio?*), в 2020-м – «Пробуждение человечности» (*Il risveglio dell'umano*).